

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

IV $\frac{14}{21}$ 802-85
5303-8
ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

О Д О Б Р Е Н Н Ы Й

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 11. НОЯБРЬ.

5277 906
ИСК-218-60
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, ноября 29 дня 1861 года.

Ценсоръ *С. Лебедевъ.*

№ 73 и 1577 ж

SD

дог 251757

об-519-XLVII

СОДЕРЖАНІЕ ОДИНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Q

<i>X</i> СЕМЬЯ ЛАЗАРЕТНАГО СТОРОЖА (повѣсть Эмиля Суве- стра).....	1
Кряква (разсказъ Одюбона).....	45
<i>X</i> Волчья яма (его же).....	57
Герои Калевалы, (статья 2-я).....	64
Олимпійскія Игры.....	96
Подводный Міръ (статья Фр. Кернера, съ четырь- мя рисунками).....	109

Q

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF TORONTO

11

1. Introduction 1

2. The History of the University of Toronto 15

3. The Faculty of Arts 25

4. The Faculty of Science 35

5. The Faculty of Law 45

6. The Faculty of Medicine 55

7. The Faculty of Education 65

8. The Faculty of Business Administration 75

9. The Faculty of Fine Arts 85

10. The Faculty of Music 95

СЕМЬЯ ЛАЗАРЕТНАГО СТОРОЖА.

(Повѣсть Эмиля Сувестра).

I.

По срединѣ Брестскаго рейда стоять два утеса, увѣячанные массивными гранитными зданіями. На одномъ изъ этихъ утесовъ устроенъ былъ Треберонскій лазаретъ, а другой служилъ нѣкогда кладбищемъ — почему и островъ назывался Островомъ Мертвыхъ — а теперь на немъ находится главный пороховой заводъ морского арсенала. Оба утеса, раздѣленные рукавомъ моря, отстоятъ отъ Бреста миль на шесть. Съ виду островки очень схожи одинъ съ другимъ. Кромѣ строе- ній, о которыхъ мы сказали, глазъ встрѣчаетъ лишь неровныя, кремнистыя покатоcти, кое-гдѣ испещрен- ные жесткимъ мохомъ и колючимъ кустарникомъ. Не найдете вы тутъ другого убѣжища кромѣ разсѣлинъ въ самой скалѣ, другой тѣни, кромѣ тѣни отъ стѣнъ, другой прогулки, какъ только по узенькой террасѣ около зданій. Оба острова, голые и безплодные, ка-

жуются огромными каменными сторожками, поставленными тутъ какъ бы для того, чтобы караулить и надзирать за моремъ, шумящимъ внизу. Если мало простора ногѣ, ступающей по этой почвѣ, за то, что за безконечный горизонтъ представляется взору съ вершины скалы! Здѣсь Ланвокская бухта, окаймленная низенькими, мрачными кустарниками; тамъ Росканвель, со своимъ темнымъ лѣсомъ; далѣе испанскій рифъ, унизанный баттарейми, наконецъ, вдали, сквозь туманъ, виднѣются брестскіе арсеналы, укрѣпленія и сотни мачтъ; открывается Гуле—морскія ворота этой чудной гавани, въ которые безпрестанно входятъ суда.

Пушечный выстрѣлъ, еще не замершій въ воздухѣ, только что возвѣстилъ о приходѣ одного изъ этихъ судовъ, какъ изъ за мыса показался фрегатъ, шедшій тихо подъ легкимъ, попутнымъ вѣтромъ. На площадкѣ Треберона стоялъ человѣкъ въ плащѣ изъ матросскаго сукна и въ лощеной шляпѣ съ маленькими полями, изъ подъ которой выбивались пряди сѣдыхъ волосъ, и смотрѣлъ на судно, скользившее вдали по лазури моря, сливавшаяся съ небомъ. Легко было замѣтить, что лазаретный сторожъ — то былъ онъ — разсѣянно смотрѣлъ на это зрѣлище, съ которымъ такъ свыкъся во время своего долгаго пребыванія на Треберонѣ. Глаза его, на минуту небрежно остановившіяся на фрегатѣ, который подбиралъ паруса, скоро перенесли на тропинку, шедшую отъ площадки къ морю, и остановились на группѣ, которая, казалось, привлекла все его вниманіе. Группа въ самомъ дѣлѣ могла поразить глазъ самый не внимательный.

По кремнистой тропинкѣ подымались двѣ дѣвочки вмѣстѣ съ козою. Старшая, смуглянка лѣтъ одинадцати, тянула упрямо животное за морское растеніе, которымъ была опутана его шея, а младшая сидѣла на козѣ съ увѣренностью, которая ясно показывала, что для нея это дѣло обыкновенное; дѣвочка была розовенькая и бѣленькая, какъ цвѣтокъ шиповника. Сестры старались заставить нетерпѣливую козу идти медленно; время отъ времени имъ приходилось сильнѣе натягивать ломкую узду и придерживать вѣнокъ изъ морскихъ цвѣтовъ, надѣтый на рога рѣзваго животного. При этомъ дѣвочки принимались долго и звонко смѣяться, и смѣхъ ихъ сливался съ слабымъ блеяніемъ *Чернушки*, которая била ногой о землю и мотала упрямою мордой. Никто кромѣ Жозефы и Франципы не могъ бы принудить ее къ такой покорности.

Матѣ Ропаръ любовался веселою борьбою между прихотливой *Чернушкой* и своими дочерьми, какъ вдругъ почувствовалъ, что чья-то рука оперлась на его плечо; онъ оглянулся и встрѣтился со смуглымъ, смѣющимся лицомъ ихъ матери.

— Взгляни на дѣтей, сказалъ онъ ей, указавъ движеніемъ головы на рѣзвую группу.

— Боже мой, Францина упадетъ! проговорила мать и сдѣлала шагъ къ тропинкѣ.

Ропаръ удержалъ ее.

— Оставь! возразилъ онъ:—ты знаешь, что нечего боться, если Жозефа за нею присматриваегъ? да и *Чернушка* любитъ ихъ больше своихъ козятъ,—зато и онѣ

платятъ ей тѣмъ же! Да, послѣ насъ, онѣ любятъ ее больше всего на свѣтѣ!

— Послѣ насъ и послѣ г. Габріэля, замѣтила мать:—особенно Жозефа; даромъ, что онъ пробылъ у насъ не долго, нѣтъ дня, чтобы она не вспоминала о немъ.

— Правду сказать, лейтенанта и нелегко забыть, сказалъ Ропаръ. А помнишь ли ты, Женевьева, что онъ обѣщаль привезти ей изъ Индіи разныхъ драгоценностей?... Если съ нимъ не приключилось чего нибудь недобраго, такъ надо думать, что мы скоро увидимъ и его, и его фрегатъ—*Оетиду*.

— Ну, а покамѣсть надо сообщить дѣтямъ о другомъ посѣщеніи, которое имъ будетъ тоже очень пріятно.

— О какомъ же это?

— Приѣдетъ братъ двоюродный съ маленькимъ Мишелемъ.

— Дорѣ приѣдетъ, проговорилъ Матьё, смотря на площадку на Островѣ Мертвыхъ, гдѣ Дорѣ служилъ при пороховомъ магазинѣ:—какъ же ты это узнала?

— А развѣ у насъ нѣтъ условныхъ знаковъ, какъ на королевскихъ судахъ? отвѣчала Женевьева съ улыбкой. Посмотри, онъ выставилъ у себя на окнѣ три маленькіе красные флага: это значить, что онъ собирается къ намъ.

Въ эту минуту дѣвочки добрались до площадки.

— Идите скорѣе! крикнула имъ мать:—къ намъ гости будутъ.

— Г. Габріель? подхватила Жозефа и бросилась впередъ съ радостнымъ крикомъ.

— Чтò за сумасшедшая! не г. Габріэль, а Дорò и Мишель.

На лицѣ Жозефы выразилось неудовольствіе, а Францина захлопала въ ладоши, сопровождая это движеніе радостными криками; коза, предоставленная сама себѣ, пошла по неровнымъ откосамъ скалы и тамъ принялась щипать соленую траву; сестры взяли за руки и побѣжали къ бухточкѣ, гдѣ приставали лодки, а мать ихъ отправилась домой, чтобы все приготовить для пріѣзда дорогихъ гостей.

Семейство Ропара познакомилось съ молодымъ морякомъ лейтенантомъ Габріэлемъ три года тому назадъ, когда ему пришлось выдержать двухнедѣльный карантинъ на Треберонѣ. Пересѣдая сюда, онъ привезъ съ собою нѣсколько любимыхъ книгъ и скрипку, на которой игралъ по цѣлымъ часамъ; онъ любилъ гулять по тропинкамъ острова съ маленькой Жозефой (Францина тогда едва начинала ходить) и каждый день находилъ то какое нибудь неизвѣстное растеніе, то новый мохъ. Вечера проводилъ обыкновенно у Ропара, разговаривая съ нимъ и Женевьевой или сказывая сказки Жозефѣ. Двѣ недѣли пролетѣли какъ одинъ часъ; и когда окончился срокъ карантина, Габріэль съ сожалѣніемъ уѣхалъ съ Треберона; потомъ онъ нѣсколько разъ возвращался на печальный островокъ и проводилъ тутъ цѣлые дни; а когда его послали въ дальнюю экспедицію, то онъ обѣщалъ писать къ добрымъ друзьямъ своимъ. И дѣйствительно, Ропаръ по-

лучилъ отъ него нѣсколько писемъ и, какъ мы видѣли, скоро надѣялся его увидѣть. Но въ настоящую минуту лазаретный сторожъ исключительно занятъ былъ посѣщеніемъ сосѣда. Онъ одинъ остался на площадкѣ и продолжалъ смотрѣть по направленію къ Острову Мертвыхъ. Разстояніе позволяло ему видѣть все, что тамъ дѣлалось, узнавать людей и различать ихъ движенія; такимъ образомъ, онъ разсмотрѣлъ какъ Дорó подошелъ къ лодкѣ, приготовилъ парусъ, а маленькій Мишель съ трудомъ привѣсилъ руль.

Непремѣнная обязанность сержанта Дорó состояла въ бдительномъ присмотрѣ надъ пороховымъ магазиномъ; къ тому же, приказанія по службѣ приходили такъ внезапно и непредвидѣнно, что частыя отлучки могли подвергнуть его большой опасности. По этому появленія его въ лазаретъ были довольно рѣдки и считались счастливымъ исключеніемъ; они были для отца, матери и дѣтей настоящимъ праздникомъ, такъ что сигналъ, возвѣщающій объ отправленіи, и лодка, плывшая по направленію къ Треберону, всегда пробуждали истинную радость во всемъ семействѣ лазаретнаго сторожа.

На этотъ разъ, лишь только Ропаръ увидѣлъ, что лодка отчалила, онъ пошелъ встрѣчать ее у берега. Едва она пристала, какъ изъ нея выскочилъ Мишель, обнялъ сторожа, потомъ двухъ дѣвочекъ, съ которыми и побѣжалъ къ дому. Дорó тоже сошелъ на землю, пожалъ руку Матѣ, и оба стали тихонько подыматься наверхъ, разговаривая между собою. Дойдя до вершины скалы, они, по привычкѣ, бросили взглядъ на

море. Доро замѣтилъ, что на фрегатѣ убрали послѣдній парусъ.

— Господи помилуй! сказали онъ:— да онъ якорь хочетъ бросить; видали ли вы, Матьё, чтобы пришедшее судно останавливалось такъ далеко отъ земли?

— Случается, отвѣчалъ Ропаръ, съ улыбкою:— иногда судно боится крѣпости, иногда камней подводныхъ— вотъ и остановится подальше отъ берега.

— Да только не въ настоящемъ случаѣ, замѣтилъ Доро:— фрегату нечего бояться ни пушекъ на островѣ— онъ его добрыя пріятельницы— ни рейда, у котораго дно такое гладкое. Нѣтъ, тутъ что нибудь необыкновенное.

— Можетъ быть судну нужно карантинъ выдержать, возразилъ Ропаръ:— поджидаютъ *Оетиду*....

— Вотъ что правда, такъ правда, съ живостью отвѣчалъ Доро, который прищурилъ глаза и заслонилъ ихъ рукою отъ свѣта, чтобы лучше всмотрѣться въ даль:— да, это она, это *Оетиди*! Она стояла у меня съ недѣлю, пока запаслась порохомъ; я ее узнаю по ея спаснямъ и по ходу.

— *Оетиди*! проговорилъ Матьё:— значитъ мы увидимъ г. Габріэля. Вотъ радость—то Жозефъ! Пойти, сообщить ей объ этомъ.

И онъ ускорилъ шаги; Доро удержалъ его.

— Не торопитесь, Ропаръ, сказали онъ:— никогда не надо рассчитывать на то, что принесетъ караванъ: о чемъ пріѣздѣ возвѣстишь, тотъ—то часто и не явится. Лучше подождать вѣстей отъ самого лейтенанта.

— Правда ваша, отвѣчалъ Ропарь:— тѣмъ болѣе, что фрегатъ идетъ изъ Гаваны, какъ мнѣ кажется.

— Какъ знать, можетъ быть, онъ вамъ везетъ жильцовъ въ лазаретъ.

— Милости просимъ! Съ Женевьевою и дѣтьми мнѣ скучно не бываетъ; но иногда я не прочь отъ компаніи. Вамъ хорошо на Островѣ Мервыхъ: у васъ тамъ артиллерійскій постъ, да еще осмотры, да пороховыя работы... такъ вы и знаете, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; а у насъ ровно ничего! Ни одного посѣтителя по цѣлымъ годамъ не бываетъ! Развѣ карантинныя пріѣдутъ, такъ услышишь иногда какую вѣсточку съ твердой земли и говоришь объ этомъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Доро и Ропарь, разговаривая между собою, дошли до дому. Женевьева поджидала ихъ на крыльцѣ, окруженная трими дѣтьми, которые держались за нее и говорили всѣ разомъ. Обмѣнявшись обычными, дружескими привѣтствіями, она вошла въ комнату съ мулемъ и Доро, а Мишель и дѣвочки побѣжали къ Чернушкѣ, остановившейся на вершинѣ скалы, откуда она глядѣла на нихъ и тихонько бляла. Мальчикъ, который привыкъ гоняться за овцами своего отца по отлогостямъ Острова Мертвыхъ, хотѣлъ поймать ее; но рѣзвое животное пустилось вдаль по скатамъ скалы; оно какъ будто то поддавалось въ руки Мишеля, то вдругъ уносилось далеко, далеко именно въ ту минуту, когда онъ готовился схватить его.

Между тѣмъ какъ дѣти занимались этою охотою, наполняя воздухъ веселыми криками и смѣхомъ, Ро-

парь и Доро вошли въ столовую, гдѣ Женевьева принялась накрывать на столъ. Доро объявилъ, что онъ не можетъ долго у нихъ оставаться, такъ какъ офицеръ, начальствовавшій надъ артиллерійскимъ постомъ, требовалъ, чтобы лодка возвращалась до захожденія солнца. Вслѣдствіе этого Женевьева поспѣшила подать обѣдъ и позвала дѣтей.

Разговоръ, который шелъ за обѣдомъ, былъ неслишкомъ разнообразенъ. Матѣ говорилъ о своихъ переметахъ, Доро—о своемъ вишневомъ деревѣ. Деревомъ этимъ онъ очень дорожилъ. До него ни одинъ житель Острова Мертвыхъ не могъ предохранить своихъ растений отъ морского вѣтра, такъ что вишневое дерево Доро было единственное, которое когда либо росло здѣсь. Скромный во всемъ другомъ, Доро съ гордостью подымалъ голову лишь только касалось дѣло его тощаго дикаго деревца; показывалъ его съ осторожностію, и то только друзьямъ или начальству, да и тутъ еще заставлялъ себя просить. Въ этотъ пріѣздъ свой на Треберонъ, сержантъ привезъ важную новость о своемъ деревѣ, но не хотѣлъ сообщить ее сейчасъ же: наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, онъ рѣшился говорить и объявилъ... что вишня зацвѣла!

При этомъ извѣстіи раздался всеобщій крикъ радости и удивленія. Ропарь и Женевьева, какъ бы заключенные на островѣ, уже нѣсколько лѣтъ не видали дерева въ цвѣту, а дѣвочки и не имѣли объ этомъ никакого понятія. Онѣ въ одинъ голосъ осыпали Мишеля вопросами: «Какіе цвѣты у вишневаго дерева—золотистые ли, какъ на приморскомъ тростникѣ, или

красные, какъ на морскомъ верескѣ? И какіе плоды принесетъ дерево? такіе ли красные, какъ на прибрежной вишнѣ, или черные, какъ на горной?» Доро положилъ конецъ всѣмъ разпросамъ, обѣявивъ, что на другой день онъ пріѣдетъ за всѣмъ семействомъ, увезетъ его на Островъ Мертвыхъ, гдѣ оно будетъ обѣдять и увидитъ чудесное дерево. Легко можно себѣ представить восторгъ двухъ сестеръ. Мать не могла унять ихъ: онѣ хохотали, били въ ладоши и съ восторгомъ кричали: «завтра, завтра!» Вскорѣ послѣ того Доро сталъ собираться въ обратный путь: гости и хозяева пошли къ берегу.

Солнце, склонившееся къ горизонту, обливало заревомъ Келернскій мысъ и ложилось пурпуровою и золотою полосою вдоль прохода Гуле. Вѣтерокъ струился по поверхности залива и подергивалъ его рябью; съ материка доносился запахъ растений вмѣстѣ съ звуками пѣни и бляніемъ стадъ, возвращавшихся въ стойла. Небо, земля и воды, — все, казалось примолкло и слилось въ одинъ мелодическій ропотъ. Друзья невольно подчинялись ея вліянію. Они спускались по тропинкѣ молча и замедляли шаги, какъ бы желая продлить благосостояніе, которымъ упивались. Дойдя до лодки, они должны были, однако же, разстаться. Жозефа взяла съ Доро слово, чтобы на другой день онъ пріѣхалъ за ними какъ можно ранѣе; наконецъ поставили парусъ, и лодка поплыла по уснувшимъ волнамъ къ пороховому магазину.

Въ ту минуту, когда лодка достигла середины канала, раздѣлявшаго два острова, по направлеію къ

Треберову показалаась шляпка, которой никто не замѣтилъ при разставаніи. Если бы даже не костюмъ матросовъ, то уже по формѣ, по мрачному цвѣту и одной бѣлой полоскѣ, по отличному состоянію парусовъ, можно было легко узнать, что шляпка принадлежала къ военному судну. Когда она поровнялась съ лодкою сержанта, то быстро взяла въ сторону, и тутъ, при послѣднемъ дневномъ свѣтѣ, ясно можно было рассмотретьъ желтый флагъ вѣдомства охраненія народнаго здравія.

Женева и дѣти невольно вскрикнули. Онѣ поняли, что это ѣдутъ гости въ лазаретъ, что островъ обратится въ карантинъ, пресѣкнутся все вѣншія сношенія, предположенная на завтра прогулка отложится на неопредѣленное время, и вишня отцвѣтетъ задолго еще до освобожденія несчастныхъ обитателей Треберона. Надежда Францины и Жозефы разлетѣлась такъ быстро и неожиданно, что онѣ не могли покориться своей горестной судьбѣ: онѣ поглядѣли другъ на друга съ отчаяніемъ и принялись тихо плакать; мать взяла ихъ за руки и печально пошла къ дому. У ней самой сердце ныло и тосковало. Дойдя до площадки, она невольно остановилась. Лодка съ розовымъ парусомъ, унесшая съ собою надежду на завтрашній праздникъ, исчезла; но черная шляпка видѣлась вверху, подъ ея ногами; она причалила къ берегу и принесла съ собою заключеніе, скуку и болѣзнь. Женева поцѣловала дѣтей, съ трудомъ удерживая слезу, наворачнувшуюся на рѣсницахъ, и поспѣшила войти въ комнату, не желая далѣе смотрѣть на море.

Между тѣмъ Матѣе пошелъ принимать карантинныхъ и отперъ имъ лазаретъ. Когда онъ возвратился, то былъ нѣсколько блѣденъ; странное выраженіе его глазъ поразило Женевьеву, но онъ быстро прервалъ ее на первомъ словѣ и тревожно спросилъ, гдѣ Жозефа и Францина.

— Развѣ ты ихъ не видишь? отвѣчала она, указывая на дѣвочекъ, сидѣвшихъ въ темнотѣ (глаза ихъ еще были влажны. дыханіе неровно и прерывисто): — развѣ ты думалъ, что онѣ уѣхали съ Доро?

— Дай Богъ, чтобъ это было такъ! тоскливо проговорилъ Матѣе почти шопотомъ, чтобы его не услышали дѣти.

Женевьева взглянула на него въ изумленіи.

— Это почему? спросила она: — развѣ что случилось? Отвѣчай же, Матѣе, отвѣчай, Бога ради! что случилось?

— Что? возразилъ сторожъ: — а то, что смерть на островѣ.

— Что ты говоришь?

— То, что видѣлъ, несчастная! Шлюпка привезла на островъ прислужниковъ и фельдшеровъ съ восемью больными, изъ которыхъ ни одному не суждено увидѣть твердую землю.

— Боже милосердый! да что же съ ними?

— У нихъ жолтая горячка.

II.

Для жителя твердой земли желтая горячка есть болѣзнь, которую онъ знаетъ лишь по слуху; но для приморскихъ жителей это слово, звучитъ какъ звонъ по усоншемъ и напоминаетъ ему не только объ угрожавшемъ бѣдствіи, а непременно о потерѣ, или давно минувшей, или недавней...

Первая мысль Матѣе при видѣ привезенныхъ больныхъ была о женѣ и дѣтяхъ: первое движеніе Женевьевы при извѣстіи о желтой горячкѣ было заключить ихъ въ объятія съ крикомъ, что необходимо немедленно оставить островъ. Не безъ труда могъ убѣдить ее старый морякъ, что бѣгство, хотя бы въ немъ не было ничего безчестнаго, теперь уже невозможно. Шлюпка поплыла назадъ къ фрегату, и на лазаретномъ зданіи уже выкинуть желтый флагъ. Карантинъ начался для всѣхъ, кто находился на Треберонѣ, и никто не могъ переступить за его предѣлы; Ропаръ показал Женевьевѣ шлюпку, присланную военнымъ управленіемъ и остановившуюся саженьяхъ въ шестнадцати отъ островка, съ цѣлью не подпускать къ нему никакого судна. Потомъ онъ изъ всѣхъ силъ принялся успокаивать испуганную Женевьеву, стараясь уменьшить въ ея глазахъ грозившую имъ опасность: климатъ въ которомъ они находились, не благоприятствовалъ этому страшному бичу; тутъ не было расслабляющаго солнца Гаваны или Бразиліи; болѣзнь эта не то, что тѣ ужасныя заразы, которыя переходятъ отъ одного мѣста

къ другому, какъ пожаръ, и оставляютъ за собою лишь трупы, а болѣзнь уже не столь жестокая, отъ которой можно уберечься при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ. Самая главная изъ нихъ и самая необходимая — стараться не приближаться къ покоймъ, занятымъ карантинными, и никогда не стоять на вѣтру по направленію отъ лазарета. Жозефа и Францина тотчасъ же были предупреждены объ этомъ. Женеваева, то почти съ угрозами, то съ нѣжностію, объяснила имъ все, что имъ слѣдовало дѣлать.

Къ этимъ наставленіямъ Матѣ присоединилъ и свои, болѣе ясныя и вѣрныя. На другой день онъ вбилъ въ землю колья и провелъ отъ одного къ другому веревку; эта ограда должна была служить дѣламъ чумною границею. Для большей предосторожности и козу привели въ ограду, привязали ее къ жерди и стали кормить зимнимъ провіантомъ. Самъ сторожъ прекратилъ всѣ свои обычныя сношенія съ лазаретными прислужниками и фельдшерами. Онъ бы не зналъ даже объ участи карантинныхъ; только люди, каждый вечеръ спускавшіеся къ берегу, и звонъ колокольчика (знакъ, чтобы всѣ удалились) давали знать, что готовятъ могилу. Опустѣвшія мѣста въ лазаретѣ скоро замѣщались новыми больными, которыхъ привозила шлюпка съ фрегата; болѣзнь не умѣньшалась, и дѣйствія ея были все также страшны: еще ни одинъ выздоравливающій не появлялся на площадкѣ лазарета; по прежнему, каждое утро приближалась лодка къ острову, но не причаливала къ самому берегу; съ нея принимали на паромъ провизію и лѣкарства, передавали

на нее на концѣ багра рапортъ фельдшера... и она подымала паруса и уплывала съ поспѣшностью, свидѣтельствовавшей объ ужасѣ, внушаемомъ заразою.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Ропаръ и Женевьева нѣсколько ободрились. Они не видѣли жертвъ, уносимыхъ смертію, и безпокойство ихъ немного притупилось. Женевьева по временамъ забывала совершенно о бѣдствіи, постигшемъ Треберонъ, и принималась за свои пѣсни; но вдругъ, увидавъ жолтый флагъ или внезапно вспомнивъ объ ужасной горячкѣ, она оставалась, и пѣніе ея замирало въ тяжеломъ вздохѣ.

При прибытіи первыхъ больныхъ, Ропаръ освѣдомился о г. Габріэлѣ: тогда его не было въ числѣ зараженныхъ, но прекращеніе всякихъ сношеній съ лазаретными и экипажемъ фрегата потомъ не позволили сторожу возобновить распросовъ; наконецъ онъ получилъ записку, проткнутую концами пожницъ и намоченную въ уксусъ. Въ ней заключались только слѣдующія слова, написанныя карандашомъ:

«Я въ лазаретѣ. Если буду живъ, то мы увидимся если умру, покажите это письмо капитану *Оетиды* и спросите у него для Жозефы мою большую шкатулку краснаго дерева.

Габріэль.»

Записку едва можно было разобрать: очевидно было, что она написана рукою, дрожавшею отъ лихорадки. Матье, пораженный горемъ, забылъ на этотъ разъ всякую предосторожность и побѣжалъ въ лазаретъ; но фельдшеръ не допустилъ его до лейтенанта, здо-

ровье котораго внушало сильное безпокойство. Къ вечеру болѣзнь усилилась, и больной подавалъ очень мало надежды; на утро уже не было никакой.

Жозефа, которой не сказали имени фрегата, опустошаемаго заразой, не подозрѣвала, что пріятель ея въ такой опасности; тѣмъ не менѣе и она, и сестра ея утратили всю свою веселость. Однажды онѣ сидѣли, грустныя, въ вградѣ, сдѣланной отцомъ, подлѣ кола, къ которому привязана была коза. Францина склонилась головкой на колѣни сестры. Жозефа предлагала ей то ту, то другую игру; но Францина отрицательно качала головой и продолжала смотрѣть на море.

— Чего же ты хочешь, Цина? спросила Жозефа, опечаленная задумчивостью сестры.

Та не отвѣчала. Жозефа положила руку на ея бѣлокурую головку и съ минуту играла ея локонами.

— Тебѣ хотѣлосьбы ѣхать къ Мишелю, — не правда ли? продолжала она, наклонясь къ Францинѣ: — но вѣдь уже поздно: дерево, вѣроятно, отцвѣло.

— Такъ ты думаешь, что вишни уже созрѣли? перебила Францина, обративъ къ сестрѣ свое личико, уже не такое розовое, какъ прежде, и устремивъ на нее свои большіе, исполненные любопытства глаза.

— Не знаю, отвѣчала Жозефа: — матушка намъ скажетъ; но теперь надо о другомъ думать; ты знаешь, что намъ нельзя къ г. Доро.

— И на конецъ острова нельзя, и никуда нельзя, прибавила Францина, снова опустивъ голову на колѣни сестры.

Жозефа, которая во что бы то ни стало хотѣла позабавить ее, указала на козу, поднявшуюся на ноги. Чернушка, вдругъ выйдя изъ полу-дремоты, приналась описывать около своего шеста такіе, уморительные круги, что грусть дѣвочки разсѣялась, и она залилась громкимъ смѣхомъ. Веселость Францины подѣйствовала сначала и на Жозефу; но, опасаясь, чтобы животное не оборвало веревки, она протянула руку и хотѣла остановить его.

— Оставь ее, сестрица, оставь! закричала Францина, не переставая смѣяться: — посмотри, какъ она скачетъ, какъ танцуетъ! Смѣлѣе Чернушка! вотъ такъ, еще!... еще!

И Францина, стоя на колѣняхъ въ нескѣ, хлопала рученками, сопровождая это радостными восклицаніями; коза, какъ бы побуждаемая голосомъ и шумомъ, скакала и рвалась съ возрастающимъ неистовствомъ. Вдругъ козь, раскачанный столькими толчками, вышелъ изъ земли, коза скакнула въ сторону и, почувствовавъ, что ее ничто не держитъ, повеслась на противоположный конецъ острова.

Сестры сначала обѣ вскрикнули, потомъ, въ какомъ-то необдуманномъ порывѣ, кинулись за козою, очутились за чумною границею и побѣжали вдоль откосовъ, клича Чернушку, которая, какъ обыкновенно, поджидала ихъ съ тихимъ бляевіемъ, стоя на одномъ мѣстѣ, и уносилась дальше, лишь только онѣ приближались къ ней. Такъ добѣжали онѣ до возвышенной части острова, спустились по отлогостямъ, шедшимъ къ морю, и углубились въ ложбину, находившуюся на

противоположной сторонѣ ихъ жилища. Тутъ только опомнилась Жозефа, вспомнила, что онѣ преступили приказаніе родителей, и остановилась, едва переводя дыханіе, удержавъ сестру за руку.

— Не бѣги дальше, Цина, проговорила она:—не надо намъ было приходить сюда: матушка вѣдь запретила.

Францина осмотрѣлась и увидала, что онѣ находятся въ широкой, открытой разсѣлинѣ, въ каменной части острова; въ глубинѣ этой разсѣлины росли большіе кусты папоротника и покрытый цвѣтомъ дрокъ. Вправо и влѣво, стѣны скалы были устѣяны баданами, морскимъ мхомъ, покрытымъ красными цвѣтками, наперстянками, высывавшими изъ щелей свои длинные стебли, покрытые розовыми колокольчиками.

Францина, пріятно пораженная этимъ видомъ, радостно вскрикнула. Съ тѣхъ поръ, какъ ей строго было запрещено удаляться далѣе назначенной черты отъ дома, она въ первый разъ увидала и зелень, и цвѣты. Она не могла удержаться отъ искушенія, вырвалась изъ рукъ сестры и, не слушая никакихъ увѣщаній, побѣжала впередъ и скоро исчезла за цвѣтущими кустами.

Жозефа, видя, что сестра не откликается, пошла за нею, чтобы увести ее домой; Францина перебѣгала отъ куста къ кусту и не хотѣла ничего слышать. Каждый разъ, какъ она срывала цвѣтокъ, Жозефа кричала ей: «Довольно, Цина!» а Цина каждый разъ отвѣчала: «Еще, сестрица!» и продолжала класть въ свой передникъ все, что только могла захватить своей ру-

ченкой. Наконецъ недостало и мѣста, куда прятать добычу: только это обстоятельство могло заставить прекратить жатву; нагруженная травами и дикими цвѣтами, она подошла къ сестрѣ, взяла ее за руку, и онѣ отправились къ дому.

Дѣти достигли мѣста, заросшаго терномъ и дроккомъ, когда надъ ихъ головами раздался звонъ колокольчика; сестры остановились и подняли глаза: четыре прислужника спускались къ лощинѣ съ погребальною ношею. Они шли по единственной тропинкѣ, находившейся въ этомъ мѣстѣ, такъ что дѣвочки не могли не встрѣтиться съ ними. Сестры въ страхѣ попятнулись въ кустарники, которые еще скрывали ихъ, и ждали процессіи, тѣсно прижавшись одна къ другой. Звонъ колокольчика слышался все ближе и ближе; наконецъ въ ушахъ ихъ раздались слова: «Здѣсь!»

Францина, дрожа отъ страха, спрятала голову въ колѣни сестры. Жозефа, болѣе смѣлая, тихонько отклонила вѣтви и увидала яму, вырытую заранѣе. Носильщики положили на землю трупъ, окутанный въ грубое полотно; взяли мѣшокъ, который былъ спрятанъ въ одномъ изъ углубленій скалы, и высыпали въ яму то, что въ немъ заключалось; изъ ямы поднялась бѣлая пыль и въ воздухѣ распространился ѣдкій запахъ извести; известь эту тщательно разбросали по дну могилы и полили морскою водою. Всѣ эти приготовления были совершены въ мрачномъ молчаніи; слышался только стукъ заступа о каменистую почву и однообразное плесканіе волнъ, нагоняемыхъ вечернимъ вѣтромъ на берегъ островка. Жозефа, вытянувъ шею, продол-

жала пристально смотрѣть на эту сцену, тоскливо стѣснявшую ее сердце.

Въ эту минуту два носильщика подняли мертвеца и приблизились съ нимъ къ ямѣ. Одни кустарники отдѣляли дѣвочекъ отъ того мѣста, гдѣ совершалась страшная процессія. Вдругъ порывъ вѣтра отвернулъ одинъ уголь полотна, которымъ былъ покрытъ трупъ, и при послѣднихъ отблескахъ дня можно было разсмотрѣть синеватое лицо.... Изъ груди Жозефы вырвался стонъ, котораго нельзя было слышать за паденіемъ трупа въ могилу; одного взгляда было довольно Жозефѣ, чтобы узнать лейтенанта. Она отбросилась назадъ въ невыразимомъ страхѣ: ее сердце наполнилось мучительнымъ горемъ; она плотнѣе прижалась къ Франциѣ, дрожа всѣми членами. Окаменѣлая, неподвижная, она вслушивалась въ шумъ, съ которымъ земля и камни сыпались въ яму, и только лишь тогда, когда удалились носильщики, изъ груди ее вырвались тяжелые вопли. Францина подняла голову, спросила, что съ нею, и, не получивъ отвѣта, бросилась въ ее объятія и тоже зарыдала.

Слезы Францины какъ бы остановили слезы Жозефы: она старалась подавить свои вздохи и стала обнимать и утѣшать сестру.

— Молчи! проговорила она, задыхаясь отъ удерживаемыхъ слезъ: — не надо бояться.... не надо плакать....

— Что съ тобою, сестрица, что съ тобою? повторяла дѣвочка, держа Жозефу за голову и цалуя ее влажные щоки.

— Ни.... чего.... отвѣчала Жозефа, которой измѣнялъ голосъ:—я испугалась.....

— Они ушли? спросила Францина, съ ужасомъ смотря въ ту сторону, гдѣ находилась могила.

— Ушли, отвѣчала старшая сестра, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

— Что они здѣсь дѣлали? Они принесли что-то... кажется, мертваго,—да?

Жозефа закрыла ей ротъ рукою.

— Не говори объ этомъ, Цина, проговорила она сквозь рыданія.

— Ты его видѣла? спросила Францина съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ.

— Боже мой!... видѣла, Цина... Это лейтенантъ!

— Габріель!... Да увѣрена ли ты, Жозефа? И онъ тамъ.. подъ землею?... О, уйдемъ отсюда... мнѣ страшно.... страшно!

И она снова кинулась въ объятія сестры, которая старалась ободрить ее и въ тоже время овладѣть собою.

— Успокойся же, Цина, проговорила она прерывающимся голосомъ:—вытри слезы; а то мама будетъ беспокоиться... Послушай, прибавила она поспѣшно:—насъ, кажется, зовутъ.... Пойдемъ скорѣе, пойдемъ.

Дѣвочки быстро встали съ земли, вышли изъ за кустарниковъ и побѣжали къ площадкѣ, гдѣ ожидала ихъ мать; въ темнотѣ она не замѣтила ихъ смущенія, взяла ихъ за руки и ввела въ домъ; тамъ онѣ помолились всѣ вмѣстѣ Богу, и сестры легли спать, ни слова не сказавъ о приключеніи въ лощинѣ.

III.

Жозефа спала дурно; утромъ она встала блѣдная, разбитая. Женеваева, замѣтивъ это, съ безпокойною заботливостію спросила, что съ нею. Дѣвочка отвѣчала, что ничего, что она здорова; но при каждомъ вопросѣ матери глаза ея наполнялись слезами, и голосъ дрожалъ. Цѣлый день она провела въ какомъ-то томленіи, къ вечеру ослабла еще болѣе, хотя еще не чувствовала никакого страданія; ночью была безпокойна, а на утро Роваръ привелъ фельдшера изъ лазарета.

Фельдшеръ осмотрѣлъ дѣвочку и сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, отъ которыхъ лицо Ровара омрачилось. Женеваева это замѣтила—ее страшно кольнуло въ сердце. Когда Матѣе и фельдшеръ вышли изъ комнаты, она послѣдовала за ними, быстро затворила дверь и остановила ихъ.

— Это болѣзнь? спросила она, подавленная душевнымъ безпокойствомъ и не смѣя сказать — жолтая горячка.

Фельдшеръ медлилъ отвѣтомъ.

— О, я увѣрена, что это она! проговорила несчастая женщина, еще болѣе убѣжденная въ своихъ опасеніяхъ молчаніемъ фельдшера.—Такъ всѣ предосторожности были бесполезны? Болѣзнь пришла... все кончено!...

Она опустила на каменную скамью, стоящую у двери, и закрыла лицо передникомъ. Фельдшеръ сталъ утѣшать ее; но видно было, что онъ самъ не вѣрилъ

въ успѣхъ своихъ стараній. Замѣтивъ, что слова его не успокоиваютъ Женевьеву, а напротивъ, удваиваютъ ея безпокойство, онъ обратился къ Матѣе, въ короткихъ словахъ повторилъ ему свои предписанія и ушелъ въ лазаретъ.

Ропаръ нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ, скрестивъ руки и склонивъ голову на грудь; вопль, вырвавшійся изъ груди Женевьевы, заставилъ его поднять глаза. Онъ взялъ ее за руку.

— Еще не время отчаяваться, сказалъ онъ съ кроткою твердостію:—прежде всего исполнимъ нашу обязанность и сдѣлаемъ то, что приказалъ фельдшеръ.

Здѣсь послышался лихорадочный голосъ дѣвочки.

— Боже! она меня зоветъ! воскликнула Женевьева, быстро поднявшись со скамьи.

Ропаръ остановилъ ее.

— Прежде вытри слезы, сказалъ онъ, проведя рукою, съ какимъ-то привѣтливимъ, сердечнымъ состраданіемъ, по влажнымъ глазамъ несчастной матери.— Не надо, чтобы Жозефа замѣтила твое безпокойство.

Женевьева старалась осушить свои глаза, которые снова наполнились слезами.

— Ну, теперь не видно, продолжала она.— Вѣдь это, можетъ быть, и не горячка, Матѣе? Этимъ предположеніемъ она старалась подкрѣпить свои силы.

— Будемъ надѣяться, проговорилъ сторожъ, расстроганнымъ голосомъ.— Ну, ступай же, моя голубушка, ступай къ Жозефѣ.... да смотри же, будь съ нею повеселѣе: ей лучше будетъ, полегче...

Между тѣмъ снова послышался голосъ больной.

Женевьева , съ сверхъестественнымъ усилиемъ , затаила въ сердцѣ свое отчаяніе и бросилась въ домъ съ яснымъ челомъ и улыбкою на губахъ.

Болѣзненное состояніе Жозефы развивалось все быстрѣе и быстрѣе. Къ вечеру горячка усилилась. Больная попеременно говорила то о своей сестрѣ Францинѣ, то о Мишелѣ, потомъ о разцвѣтшей вишнѣ, о добромъ другѣ своемъ Габріэлѣ; то она спрашивала, привезъ ли онъ ей обѣщанные подарки; то вдругъ возникала предъ нею печальная сцена, которой она была свидѣтельницею съ сестрою.... и она со стономъ восклицала, что Габріэль умеръ, что она слышитъ, какъ засыпаютъ землею его могилу... Фельдшеръ приходилъ нѣсколько разъ, усиливалъ средства; но ничто не могло замедлить хода ужасной болѣзни. Мать провела страшную ночь, держа въ объятіяхъ дочь, которая все еще находилась въ бреду. Съ восходомъ солнца горячечное безпокойство утихло и уступило мѣсто онѣмѣнію, предшествующему смерти. Наконецъ послѣ полудня Жозефа открыла глаза, и изъ груди ея вырвался вздохъ: тотъ вздохъ былъ послѣднимъ...

Отецъ и мать были такъ подготовлены къ этому удару , что въ ихъ отчаяніи не было ничего чрезвычайнаго. Женевьева привялась отдавать послѣдній долгъ дочери: долго расчесывала она ея неподобные черные волосы , одѣла ее въ лучшее платье и положила на постель, сложивъ ей руки на сердцѣ, какъ обыкновенно клала ихъ Жозефа во снѣ. Все это она сдѣлала медленно, спокойно, съ какимъ-то самодовольствіемъ, и безпрестанно цаловала усопшую. Изрѣдка слеза ска-

тывалась по ея щекамъ, покрытымъ огненными пятнами, да дрожь бѣгала по рукѣ, исполнявшей грустный обрядъ. Наконецъ, мать сама зашила Жозефу въ савантъ, потомъ подошла къ окну, сорвала бѣлый левкой, пощажженный морскимъ вѣтромъ, и разсыпала лепестки его по бѣлой пеленѣ. Потомъ она опустилась на колѣни у кровати и долго молилась. Наконецъ, измученная горемъ, она встала и вышла изъ дому.

Мужъ ея удалился на площадку съ Франциною, чтобы скрыть отъ ребенка тяжелую картину приготовленій къ погребенію. Дѣвочка сидѣла у его ногъ, прислонивъ головку къ его колѣнямъ. Со смерти сестры она не произнесла ни одного слова. Неподвижная, съ безжизненно опущенными рученками, съ сжатыми губами и остановившимся на одномъ предметѣ взоромъ, она какъ бы силилась постигнуть что-то. Женевьева, увидавъ ее въ такомъ положеніи, освѣщенную луннымъ свѣтомъ, переливавшимся въ ея бѣлокурыхъ волосахъ, какъ бы очнулась; изнеможенное лицо ея оживилось, изъ глазъ брызнули обильныя слезы. Она бросилась къ ребенку и подняла его на руки. Францина отвѣчала ей ласками и рыданіями. Дѣвочка спрашивала о сестрѣ; вопросы эти растрavляли отчаяніе матери, и она старалась заглушить ихъ поцалуями. Наконецъ она совершенно обезсилѣла, такъ что руки ея, въ которыхъ она держала дочь, опустились, и она чувствовала, какъ кто-то взялъ отъ нея Францину. Матѣ поставилъ ребенка на землю и отвелъ жену къ каменной скамьѣ, гдѣ и принудилъ ее сѣсть.

— Успокойся, сказалъ онъ съ твердостію, хоть

въ голосъ его слышалась душевная тревога: — Богъ требуетъ покорности... Умершая теперь въ раю, но она оставила намъ сестру, о которой мы должны заботиться.

— Что ты хочешь сказать этимъ? спросила Женевьева, поднявъ на мужа глаза, въ которыхъ безпокойство, казалось, остановило слезы.

— Развѣ ты не понимаешь? возразилъ сторожъ, понизивъ голосъ:—зараза, какъ морской вѣтеръ: она никого не щадитъ и съ нею живые ежеминутно отходить къ мервымъ.

— Господи! что же это? ты предупреждаешь меня? спросила Женевьева, сложивъ руки:—развѣ она заражена?... развѣ ты замѣтилъ чтонибудь?... Ахъ, говори правду, Матьё, говори скорѣе: убей меня разомъ: мнѣ это легче будетъ.

— До сихъ поръ ребенокъ страдаетъ только грустью отвѣчалъ Ропаръ: — но если онъ долѣе останется въ этомъ воздухѣ смерти, то кто можетъ поручиться, что онъ уцѣлѣетъ?

— Горе намъ! воскликнула Женевьева, поднявъ руки надъ головою:—зачѣмъ ты мнѣ это сказалъ, Матьё, зачѣмъ? я не хотѣла думать объ этомъ... а теперь мнѣ будетъ казаться каждую минуту, что Цина умираетъ. Да простижь тебѣ Богъ, Матьё! ты острымъ ножемъ повертываешь мнѣ въ сердцѣ....

— Если я и дѣлаю это, то лишь для того, замѣтилъ сторожъ: — чтобы легче вынуть его; теперь нельзя закрывать глазъ и ждать вѣтра—надо сдѣлать все для спасенія малютки... Если она останется на

островъ, тебѣ придется шить ей саванъ, Женевьева; необходимо, чтобы она сейчасъ же оставила его.

— Но какъ?

Ропаръ оглядѣлся, желая удостовѣриться, что его не подслушаютъ.

— Есть средство, отвѣчалъ онъ тихонько.

— Лодка, на которой Доро...

— Нѣтъ.

— Военная шляпка?

— Ты знаешь, что она стоитъ тутъ для того именно, чтобы стеречь островъ.

— Такъ что же намъ поможетъ?...

— Отливъ.

Женевьева въ недоумѣннн поглядѣла на мужа.

— Теперь полный приливъ, продолжалъ Матье:— черезъ часть море на столько отойдетъ отъ береговъ, что надъ грядою подводныхъ скалъ, которыя идутъ отъ Треберона къ Острову Мертвыхъ, останется воды фута на четыре; при смѣлости, съ помощью Божіей, можно переправиться. Я отнесу Цину къ Доро.

Мать не могла удержаться отъ крика изумленія.

— Тише, несчастная! съ живостью сказала Ропаръ:—развѣ ты хочешь выдать мою тайну? Кромѣ Доро и меня, никто не знаетъ этого пути; мы не разъ по немъ пробирались, когда ловили вмѣстѣ рыбу, и оставались живы....

— Пробирались, только не ночью, перебила Женевьева:—не съ ребенкомъ на рукахъ....

— Ребенокъ не тяжелъ, на небѣ полный мѣсяцъ, замѣтилъ Ропаръ съ вѣкоторымъ нетерпѣніемъ:—я ду-

малъ цѣлый вечеръ—другого средства нѣтъ. Я рѣшился и сдѣлаю то, что могу, что бы ни случилось. Поди же приготовь все, что нужно для дочки.

Онъ сказалъ все это такъ рѣшительно, что Женевьева поняла всю бесполезность сопротивленія. Къ тому же, первый испугъ Женевьевы прошелъ нѣскольکو, объясненія и увѣренія мужа немного ее успокоили, такъ что она убѣдилась въ половину въ необходимости опасной переправы. Оставалось главное — сама дѣвочка: Ропаръ опасался ея сопротивленія и страха. Мать пошла за Циною, привела ее къ отцу, и они оба усадили ее на свои колѣни.

— Хотѣлось бы тебѣ, Цина, видѣть, какъ цвѣтеть вишня? спросила Женевьева, цалуя дѣвочку.

Дѣвочка покачала головой.

— Теперь ужь не хочется, отвѣчала она почти шопотомъ.

— Теперь самое время, прибавила мать, дѣлая надъ собою усиліе:—тамъ ты будешь свободнѣе... счастливѣе... тамъ Мишель... онъ будетъ играть съ тобою.

— Нѣтъ, отвѣчалъ ребенокъ прерывающимся голосомъ:—я лучше останусь съ Жозефой...

Женевьева сложила руки, закрыла глаза; у нея замеръ голосъ. Настала очередь Ропара. Онъ прижалъ Францину къ своей груди и сказалъ ей на ухо:

— Послушай, у насъ большое горе... ты не захочешь усилить его,—не правда ли? ты вѣдь насъ слишкомъ любишь...

Вмѣсто отвѣта, ребенокъ обвился руками около

шей отца и прижалъ свою розовую щечку къ морщинистой щекѣ моряка.

— О, да! я увѣренъ въ тебѣ! продолжалъ Матье: — такъ ты сдѣлаешь все, чего мы отъ тебя попросимъ?

Дѣвочка утвердительно кивнула головой.

— Ну, такъ тебѣ надо провести нѣсколько дней у Доро; и такъ какъ у насъ нѣтъ лодки, то я перенесу тебя на рукахъ. Ты будешь спокойна посреди моря, если плечи отца будутъ служить тебѣ шляпкой?

Ребенокъ задрожалъ.

— Лучше я останусь, проговорила Цина поспѣшно.

— Невозможно! возразилъ отецъ:—я отнесу тебя на пороховой заводъ: это необходимо, и мы сей часъ же отправимся... Но если ты будешь пугаться и кричать, то дорога будетъ труднѣе и со мною можетъ случиться несчастье,—понимаешь?

— Да... да, только я не пойду, отвѣчала Цина, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Женевьева привлекла ее къ себѣ.

— Замолчи, дитя мое, замолчи, сказала она, поцаловавъ ее въ волосы и прижавъ къ сердцу.—Дѣти должны слушаться родителей... такъ Богъ велѣлъ.... сдѣлай что тебѣ говорятъ... для твоего отца... для меня... для Жозефы!...

— Такъ ты пойдешь со мной, Цина? спросилъ Ропаръ.

— Пойду, пролепетала дѣвочка.

— И не станешь бояться, не станешь кричать?

— Не стану.

— Такъ въ путь! сказалъ сторожъ, поднявшись со

скамьи и посмотрѣвъ на море:—отливъ начался; долѣе нельзя мѣшкать!

Онъ взялъ Францину на руки и быстро спустился по тропинкѣ къ берегу. Женевьева слѣдовала за нимъ въ мучительномъ томленіи. Они дошли до скалистаго мыса, далеко уходящаго въ море. То была оконечность ряда отмелей, соединявшихъ два острова. Ропаръ поставилъ дѣвочку на землю и сталъ разсматривать дорогу, по которой долженъ былъ итти. Проливъ, освѣщенный луною, былъ цвѣта блѣдно-зеленоватаго и искрился бѣловатыми полосками, образовавшимися отъ волнъ, слегка подернутыхъ пѣной. Ихъ струеніе было такъ слабо, что онѣ казались полемъ, покрытымъ зеленымъ хлѣбомъ и бѣлою ромашкою. За нимъ виднѣлся Островъ Мертвыхъ въ ночномъ полу-свѣтѣ, съ своими желтоватыми зданіями, длинными аспидовидными крышами и громовыми отводами, уходящими въ облака. Ночь была такъ тиха, что слышно было, какъ шагала часовой передъ гранитною будкой, выстроенной въ концѣ площадки. Между островками, вѣсколько въ тѣни, молчаливая шляпка качалась, держась на двухъ якоряхъ.

Ропаръ осмотрѣлъ все съ необыкновеннымъ вниманіемъ, показалъ Женевьевѣ направленіе подводнаго шоссе, слегка оттѣненнаго на поверхности воды, снялъ куртку и шляпу, потомъ взялъ за руки жену, смотрѣвшюю на него безумнымъ взоромъ, и сказалъ:

— Пора, Женевьева, обними меня, другъ мой, и да будетъ съ нами Богъ!

Бѣдная женщина не могла сначала отвѣчать на его

объятія; но когда она почувствовала, что онъ отводитъ отъ нея руку, она крикнула, голова ея закружилась; она забыла все, что говорилъ ей Матье, забыла все, что обѣщала, и сжала его съ какимъ-то отчаяннымъ усиліемъ.

— Ты не пойдешь, едва проговорила она: — не пойдешь!... Это все равно, что идти на вѣрную смерть! Ужели оставишь ты меня одну съ Жозефою?... Взгляни, какъ широко море, какъ глубоко оно! Оставайтесь оба, и ты, и Францина!... Ужь если Богъ судилъ намъ умереть, то по крайней мѣрѣ умремъ всѣ вмѣстѣ! Матье, я не хочу, чтобъ ты меня оставилъ; ты не отнимешь у меня дочери... вѣтъ, вы не уйдете!

И она опустилась на колѣни и приникла устами къ рукѣ Ропара; Ропаръ хотѣлъ поднять ее.

— Перестань, Женевьева, сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышались и нетерпѣніе и нѣжность: — я думалъ, что ты храбрѣе... То ли ты обѣщала мнѣ? Вспомни, несчастная, что время уходитъ.

Женевьева рыдала и снова повторяла свои просьбы. Ропаръ бросилъ безпокойный взоръ на море и увидалъ, что большая скала совсѣмъ обнажилась. Промедленіе увеличивало опасность, такъ что переправа съ каждою минутою становилась невозможнѣе. Матье быстро схватилъ Женевьеву за локти и поднялъ ее на ноги.

— Жена, сказалъ онъ такимъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, что она содрогнулась: — заклиною тебя именемъ Бога, насъ спасаго, послушайся меня и безъ всякихъ разсужденій! Дѣло идетъ о спасеніи жизни нашему ребенку: остановить меня ничто не мо-

жетъ. Останься тутъ — я тебѣ приказываю — и ни шагу, ни одного крика...

Онъ посадилъ обезумѣвшую Женевьеву на песокъ, побѣждалъ къ дочери, поднялъ ее на плечи и бросился въ море.

Услыхавъ шумъ воды, мать хотѣла подняться; но силы ее оставили, и только слабый стонъ вырвался изъ груди ея. Стонъ этотъ долетѣлъ до Ропара: онъ обернулся и увидалъ въ темнотѣ неясную фигуру Женевьевы, которая, полу-лежа на утесѣ, простирала къ нему руки... Онъ взглянулъ на море, зеленое и глубокое, раскрывавшее вокругъ него свои пучины, почувствовалъ надъ своею головою дыханіе ребенка, объятаго ужасомъ... подумалъ, что бѣдное созданіе, съ которымъ они разстались, быть можетъ, не увидитъ ихъ болѣе... и сердце его сжалось и замерло, на глазахъ навернулись слезы... Онъ невольно остановился среди шумѣвшихъ волнъ, обратилъ лицо къ берегу и закричалъ голосомъ сдержаннымъ, но нѣжнымъ:

— Не плачь, Женевьева, и да благословитъ тебя Богъ! все кончится благополучно.

И, не дожидаясь отвѣта, опаснаго для его твердости, онъ продолжалъ свой путь, устремивъ взоры на водяную полосу, обозначающую направленіе отмелей. Скоро, однако же, онъ пересталъ отличать особенный цвѣтъ волнъ, по которому легко было узнать эту гряду. Погруженный въ море, онъ видѣлъ лишь однообразную, колышашуюся равнину; ему пришлось просто держаться на утесѣ, возвышавшійся на Островѣ Мертвыхъ. Онъ подвигался впередъ не иначе, какъ пробуя

передъ собою дно багромъ; несмотря на эту предосторожность, дорога становилась все труднѣе; гряда была очень неровна, такъ что Ропаръ безпрестанно спотыкался. Поднимаемый волною, оглушенный ропотомъ воды, пробираясь ощупью по шероховатой и негладкой тропѣ, онъ подвигался впередъ медленно, руководимый твердой волей, взявшей верхъ надъ его нетерпѣнiемъ.

Такъ достигъ онъ середины, гдѣ стояла военная шлюпка. Тутъ все было спокойно и безмолвно; съ нѣкоторыхъ поръ не слышались даже оклики вахтенныхъ; не видно было даже двухъ тѣней часовыхъ: увѣренные въ бесполезности караула, матросы заснули, вѣроятно.

Матѣе, опасаясь ихъ пробужденiя, ускорилъ шаги; какъ вдругъ, занеся ногу, онъ не досталъ дна: въ этомъ мѣстѣ, въ грядѣ, былъ уступъ, такъ что Матѣе погрузился въ воду. Волна обдала Францину, и она отъ испуга пронзительно вскрикнула.

Испуганный отецъ прижалъ ее къ груди и закрылъ ей ротъ рукою; но уже было поздно: крикъ былъ, вѣроятно, услышенъ на шлюпкѣ, потому что на палубѣ поднялась чья-то тѣнь и раздались шаги. Ропаръ успѣлъ броситься къ шлюпкѣ и ухватился за рейку, на которой и повисъ, такъ что его было не видно.

Одинъ изъ матросовъ подошелъ къ кормѣ, куда скоро явился и другой.

— Какъ будто крикъ послышался, сказалъ первый.

— Да, какъ будто крикъ-то и разбудилъ меня, прибавилъ другой.

— Однако же, смотрю, смотрю, а ничего не видеть.

— Да и мнѣ не видно.

Оба они наклонились къ водѣ, которая продолжала тихо плескаться о бортъ.

— Пустяки! сказалъ одинъ изъ нихъ:—ничего не видно... Это такъ намъ показалось.

И матросы удалились. Подождавъ съ минуту, Ропарь снова посадилъ ребенка на плечи, велѣлъ ему молчать и оставилъ веревку, спѣша добраться до гряды; но онъ потерялъ ея направленіе и слышалъ только воду подъ собою. Матъе принужденъ былъ плыть съ своею драгоценною ношею; онъ все надѣялся, что еще нѣсколько сажень, и онъ снова попадетъ на гряду; но гряда была уже въ сторонѣ. Новыя попытки были также неудачны: двадцать разъ начиналъ онъ свои поиски и каждый разъ встрѣчалъ лишь бездну подъ собою.

Объятый страхомъ, задыхаясь отъ усталости, онъ блуждалъ на удачу, стараясь найти землю. Послѣ многихъ попытокъ, послѣ борьбы съ волною, въ которую онъ погружался все глубже, послѣ безпрестанныхъ переходовъ отъ отчаянія къ надеждѣ, онъ истощилъ наконецъ всѣ свои силы, мужество стало покидать его—онъ былъ побѣжденъ. Ропарь съ трудомъ переводилъ дыханіе; туманъ застилалъ его глаза; все казалось ему однимъ хаосомъ; разсудокъ его терялся. Еще минута, и онъ съ Франциною сталъ совсѣмъ погружаться въ воду. Шлюпка, отъ которой онъ скрывался и которую не видѣлъ теперь болѣе, была для

него послѣднимъ средствомъ къ спасенію. Онъ собралъ послѣднія силы, чтобы позвать на помощь, какъ вдругъ сильная волна набѣжала на него и онъ не могъ произнести ни одного звука. Лишившись въ половину чувствъ, онъ еще съ минуту продолжалъ бороться съ водою, потомъ сталъ опускаться книзу и вдругъ остановился: ноги его уперлись на гряду. Онъ выпрямился, вздохнулъ свободнѣе, взглянулъ впередъ и увидалъ шагахъ во ста отъ себя скалу на Островѣ Мертвыхъ. Въ нѣсколько минутъ онъ достигъ до нея; выйдя на берегъ, онъ упалъ почти безъ чувствъ и позвалъ Францину замирающимъ голосомъ. Запуганный ребенокъ бросился къ нему на грудь, и такъ онъ продержалъ его нѣсколько времени. Первая мысль его была о дочери, вторая—о Женевьевѣ. Ропаръ кое какъ поднялся на ноги, взялъ Францину за руку и сталъ карабкаться по утесистому откосу, который выводилъ на площадку.

Чтобъ избѣжать часового, поставленнаго на углу зданія, Ропаръ обошелъ заводъ и, дойдя до жилища Доро, осторожно постучался. Доро спалъ, по счастью, чуткимъ сномъ стараго солдата; онъ тотчасъ же проснулся и показался у окна.

— Откройте! проговорилъ Матъе въ полъ-голоса.

— Ропаръ!... воскликнулъ сержантъ.

— Тихе! отворите скорѣе, перебилъ его морякъ: — дѣло идетъ о нашемъ спасеніи.

— Какъ? что же случилось?

— Жозефа умерла сегодня утромъ отъ заразы.

— Боже мой! возможно ли?...

— Я говорю горькую правду, Доро; такъ какъ мы съ Женевьевою хотимъ спасти другую дочь, то я привелъ ее сюда.

— Да благословить Господь Богъ за такое внушеніе, сказалъ сержантъ, протянувъ руку Матье; но Матье не взялъ руки.

— Подумайте, Доро, проговорилъ онъ:—быть можетъ, ребенокъ принесъ съ собою болѣзнь.

— Надѣюсь, что ничего не случится; но да будетъ воля Божія!

— Вспомни также, продолжалъ съ настойчивостью Матье:—что если узнаютъ объ этомъ, то могутъ взыскать съ васъ, какъ съ нарушителя карантинныхъ правилъ.

— Да будетъ тогда людская воля! отвѣчалъ сержантъ простодушно.

— Подумайте...

— Нечего больше думать, Ропаръ; довольно, очень довольно! толковать не кстати: вы привели ко мнѣ ребенка, и я принимаю его къ себѣ.

Онъ наклонился къ Францинѣ, поднялъ на руки и отнесъ ее въ комнату; тамъ онъ снялъ съ нея измокшее платье и положилъ ее въ старую колыбель Мишеля.

Отецъ, который послѣдовалъ за ними, остался въ дверяхъ, опустивъ руки, съ выраженіемъ на лицѣ благодарности, не находящей словъ; когда Доро обернулся, онъ схватилъ его руку и безмолвно, крѣпко пожалъ ее. Доро, сталъ толковать съ нимъ о сред-

ствахъ, какъ бы скрыть новое пребываніе дѣвочки. Главное, чтобы только не замѣтили отсутствія ея на Треберофѣ; на Островѣ же Мертвыхъ появленіе Францины не могло ни въ комъ пробудить подозрѣвій, потому что долженъ смѣниться артиллерійскій постъ. Успокоенный на этотъ счетъ, Ропаръ условился съ сержантомъ въ сигналахъ, посредствомъ которыхъ они будутъ передавать вѣсти съ одного острова на другой. Наконецъ Матье подошелъ къ окошку: вѣтеръ усилился, небо сдѣлалось не такъ звѣздно и по морю началъ стлаться туманъ.

— Пора въ дорогу, проговорилъ Ропаръ, возвращаясь къ сержанту. — Да заплатитъ вамъ Богъ за все, что вы для насъ дѣлаете, Доро!... я и Женестьева — мы всегда останемся вашими должниками.

— Ну, ладно! объ этомъ послѣ; теперь меня беспокоитъ ваша переправа...

— О, напрасно, перебилъ Ропаръ сержанта: — теперь я знаю, что Францина въ безопасности, и перейду заливъ также легко, какъ будто изъ дому въ лазаретъ. Ноги крѣпки, кагда сердце спокойно... Однако же, Женестьева ждетъ меня.

Онъ подошелъ къ дочери; Францина, утомленная столькими ощущеніями, только что заснула; одна рука ея была закинута за голову и терялась въ золотистыхъ волосахъ; другою она прижимала къ груди маленькій мѣшочекъ съ мощами, который надѣла на нее Женестьева. Дыханіе ея дѣлалось ровнѣе и спокойнѣе, но по временамъ все-таки тяжелый вздохъ выметалъ изъ ея груди; на щекахъ заигралъ румянецъ, но все еще

видны были слѣды слезъ. Ропарь смотрѣлъ на нее нѣсколько времени съ нѣжностію, потомъ тихонько наклонился, коснулся губами ея маленькой ручки, потомъ волосъ, потомъ щеки. Ребенокъ, не открывая глазъ, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе; Матье поспѣшно выпрямился.

— Спи, бѣдное созданье, проговорилъ онъ:—спи спокойно: я не разбуджу тебя.

Еще разъ взглянулъ онъ на дочь взоромъ, исполненнымъ любви и ласки, и наконецъ вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи Доро. Обмѣнявшись еще нѣсколькими дружескими словами и съ чувствомъ пожавъ руки, они разстались. Ропарь спустился къ берегу и вошелъ въ море. Хотя вода начинала подыматься, онъ, однако же, переправился безъ большой опасности, счастливо достигъ до большой Треберонской скалы и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Женевьеву.

Ея тамъ не было.

Удивленный тѣмъ, что она не дождалась его возвращенія, онъ быстро поднялся по тропинкѣ, побѣжалъ къ двери своего дома, которую нашелъ растворенною, и окликнулъ Женевьеву. Никто не отвѣчалъ ему. Темнота не позволяла ничего разсмотрѣть. Ощупью онъ подошелъ къ очагу, наскоро зажегъ свѣтильникъ и осмотрѣлъ комнату: тамъ, подлѣ усопшей, зашитой въ бѣлый саванъ, недвижно лежала другая фигура. Оторопѣвшій сторожъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ... Подлѣ покойницы лежала Женевьева, лишившаяся чувствъ....

IV.

Благодаря заботамъ фельдшера, жена Ропара наконецъ пришла въ себя; но съ нею тотчасъ же сдѣлались судорожные спазмы, за которыми послѣдовалъ упадокъ всѣхъ силъ и способностей. Цѣлый день провела она въ оцѣпенѣннн, среднемъ между сномъ и смерью. Къ вечеру открылась горячка; незамѣтно больная впадала изъ неподвижнаго состоянн въ безпокойный бредъ; она узнавала Матье лишь по временамъ; съ возвращеннмъ разсудка она вспоминала о постигшемъ ее несчастнн и за тѣмъ снова впадала въ какое-то помѣшательство.

Всѣ эти признаки не принадлежали болѣзни, опустошавшей лазаретъ, и фельдшеръ терялся въ догадкахъ. Привыкнувъ къ суровому врачеванн, потребному для суровыхъ моряковъ, онъ не могъ понять недуга натуры болѣе нѣжной и, какъ честный человекъ, объявилъ Ропару, что онъ тутъ ничего не можетъ, и что нужны совѣты доктора болѣе ученаго.

Это признанн было новою пыткой для сторожа. При настоящемъ положенн острова, никто не могъ къ нему приблизиться, и Ропаръ былъ лишень всякой возможности призвать на помощь человекъ, котораго совѣты были бы спасительны, быть можетъ, для бѣдной женщины. Напрасно видѣлъ Матье подъ своими ногами лодки, которыя могли бы перевезти его по морю, напрасно видѣлъ на горизонтѣ городъ, отъ котораго могъ бы получить помощь : преграда невиди-

мая, но непродолимая, не позволяла выйти ему изъ ужаснаго, горькаго состоянія!

Къ утру третьяго дня горячка прекратилась и къ больной возвратился полный разсудокъ; но эта пере-мѣна не могла заставить ее раздѣлить съ мужемъ ни радости, ни надежды.

— Это не выздоровленіе, проговорила она медленно, едва слышнымъ голосомъ. Потомъ она старалась пробудить въ себѣ воспоминанія и сказала: — Когда ты... переправлялся вечеромъ черезъ гряду... и когда я услышала съ моря крикъ ребенка... я подумала, что вы погибли оба... и тогда... но я не знаю, что было со мною послѣ того. Теперь... я чувствую... все кончено.

Ропаръ сталъ успокоивать ее. Больная полу-открыла глаза, взглянула на него съ кроткою грустью и сказала:

— Я хочу видѣть священника, Матье.

— Онъ не можетъ притти сюда! печально отвѣ-чалъ Ропаръ:—развѣ ты забыла, что на островѣ карантинъ.

Это очень огорчило больную: она впала въ страшное уныніе. Вдругъ, припомнивъ что-то, она сказала поспѣшно:

— Ты говорилъ мнѣ, что на вашихъ корабляхъ, если въ минуту смерти не было священника, то каж-дый христіанинъ могъ занять его мѣсто?...

— Говорилъ и повторяю снова.

— Если такъ, промолвила умирающая, обративъ на Ропара глаза, свѣтившіеся лихорадочнымъ блескомъ:

—если такъ, то помоги мнѣ... выслушай меня: я хочу исповѣдываться передъ тобою.

И она приподнялась на локоть и перекрестилась. Матѣ былъ пораженъ ея требованіемъ, но не возражалъ; услыхавъ, что она шепчетъ молитву, произносимую передъ покаяніемъ, онъ снялъ набожно шляпу, сдѣлалъ крестное знаменіе и приготовился принять грѣхи умирающей. Исповѣдъ ея была продолжительна. Наконецъ, когда Женевьева окончила, Ропаръ снялъ распятіе и, положивъ руку на ея чело, проговорилъ грустно и торжественно:

— Да проститъ тебя Богъ, какъ я прощаю, сколько это въ моей власти!

Невыразимая ясность и спокойствіе озарили лицо умирающей.

— Благодарю, прошептала она:—теперь мнѣ легче. Матѣ, у меня есть еще просьба къ тебѣ.

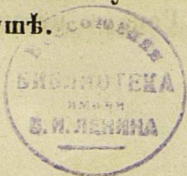
— Скажи только, Женевьева; я сдѣлаю все, что человѣкъ можетъ сдѣлать.

Она взяла его за руку и посмотрѣла на него.

— Ты говоришь, мнѣ кажется, что Доро можетъ оттуда видѣть и понять твои сигналы.

— Да, можетъ.

— Если это такъ, то, прошу тебя, дай ему знать сейчасъ же, чтобы онъ вывелъ Францину на террасу; когда она выйдетъ, ты возьмешь меня на руки и перенесешь на вершину Большого утеса; я надѣюсь, Богъ будетъ милостивъ ко мнѣ и пошлетъ мнѣ столько жизни, чтобы еще разъ взглянуть на мою малютку и проститься съ нею въ душѣ.

— Я исполню твое желаніе, Женева, сказалъ морякъ, который потерялъ всякую надежду и чувствовалъ, что не можетъ ей ни въ чемъ отказать.

— Скорѣй, скорѣй, прошептала она: — я чувствую, что Богъ призываетъ меня къ себѣ.

Матье бросился изъ комнаты съ такою поспѣшностію, какъ будто бы каждая минута была сочтена, и почти тотчасъ же возвратился, крича, что Дорю и Францина на террасѣ. Умиравшая вскрикнула отъ радости и протянула къ нему руки. Онъ завернулъ ее въ плащъ и осторожно перенесъ на платформу.

— Гдѣ она? спросила больная, тшетно стараясь увидѣть что нибудь: глаза ея были ослѣплены дневнымъ свѣтомъ: — я ничего не вижу, Матье. Гдѣ Францина? Покажи мнѣ ее.

— Посмотри туда, внизъ, сказалъ Матье: — видишь Большой утесъ.

— Вижу.

— Видишь ли ты, какъ кипитъ море у берега, вотъ тамъ, дальше, вдоль отмели.

— Вижу, вижу.

— А тамъ, еще дальше, надъ утесами, видишь стѣны террасы?

— Тамъ?... нѣтъ... я вижу только туманъ... о, если уже поздно! Ужели она здѣсь, передъ моими глазами, и я не могу ее видѣть!... Боже мой, еще разъ, еще только одинъ разъ, дай мнѣ взглянуть на мою малютку!

Въ этихъ словахъ, въ этихъ материнскихъ крикахъ было столько отчаянія, что Ропаръ не могъ удержаться

отъ слезъ. Онъ опустилъ Женевьеву на полъ и, ставъ на колѣни, поддерживалъ ее.

— Не унывай, Женевьева, проговорилъ онъ: — посмотри хорошенько, вонъ туда, на полосу между небомъ и моремъ.

— Смотрю, сказала умирающая, напрягая послѣднiе остатки силъ. — Подними мнѣ голову, Матье; заслони солнце...

Она вдругъ остановилась, вскрикнувъ отъ радости: — Вижу! вотъ она!... она также увидѣла меня... она протягиваетъ руки... Францина! дочь моя, дитя мое!

Она бросилась впередъ съ такой силою, что упала бы внизъ, на утесы, спускавшiеся къ морю, если бы Ропаръ не удержалъ ее. Слабый лучъ жизни озарилъ лицо умирающей; она посылала ребенку поцалуи и разговаривала съ нимъ такъ, какъ будто бы онъ могъ ее слышать; она поднимала къ небу свои слабѣющiя руки, быстро и прерывисто молилась, смѣялась и плакала. Волненiе истощило послѣднiя силы умирающей: голова ея опустилась на плечи мужа. Испуганный этимъ движенiемъ, Матье взялъ ее на руки и хотѣлъ отнести въ комнату; но она сдѣлала ему знакъ, что желаетъ остаться. Онъ опустилъ ее на скамейку, гдѣ все семейство сиживало обыкновенно по вечерамъ, передъ моремъ, въ ту минуту освѣщеннымъ лучами заходящаго солнца. Женевьева нѣсколько времени пробыла въ забытiи, наконецъ открыла глаза и заговорила слабымъ голосомъ:

— Другъ мой, я умираю... прошу тебя, молись за

меня и береги Францину, наше послѣднее сокровище... прости!...

Черезъ нѣсколько минутъ ея не стало: она умерла, шепча молитву, въ которой слышались имена мужа и дочери.

На другой день раскопали могилу, гдѣ покоилась Жозефа, и положили подлѣ нея мать... Доро, извѣщенный о случившемся сигналами, привелъ Францину на скалу, и она, стоя на колѣняхъ, молилась за усопшую въ ту минуту, когда въ Треберонѣ окончивалось погребеніе.

Смерть Женевьевы была послѣднею. Спустя двѣ недѣли жолтый флагъ былъ спущенъ, и выздоровѣвшіе карантинные отправились на фрегатъ, оставивъ на пустынномъ островѣ лишь одного человѣка, съ сѣдыми волосами, да ребенка, одѣтаго трауръ....

КРЯКВА. (*)

(разсказъ Одюбона).

Вообще думаютъ, что кряква весьма обыкновенная птица во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, но я имѣю положительныя доказательства противнаго. Если писатели полагались въ этомъ на чужіе разсказы или просто хотѣли сказать, что въ домашнемъ состояніи птица эта родится въ огромномъ количествѣ, — тогда другое дѣло, и я ничего не могу сказать противъ. Вотъ что я знаю изъ собственныхъ наблюденій, которыя мнѣ удавалось повторять при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: въ дикомъ состояніи эта порода чрезвычайно рѣдко попадается въ окрестностяхъ

(*) Кряква (*anas boschas*) принадлежитъ къ сем. утковыхъ (*anatida*). Отъ нея произошли всѣмъ извѣстныя домашнія утки.

Бостона, въ Массачусеттѣ. Нѣсколько дальше, къ востоку, птицы эти едва извѣстны; а за Портландомъ, въ Менѣ, ни я и ни одинъ изъ моихъ спутниковъ — мы никогда не встрѣчали ни одной изъ нихъ. На западномъ берегу Лабрадора, ни одинъ изъ жителей, которыхъ мы спрашивали, не зналъ этой птицы; также и на Террневѣ. Начиная отъ Нью-Йорка, къ югу, онѣ попадаются чаще, и ихъ находишь иногда на рынкахъ Филадельфiи, Балтимора, Ричмонда въ Виргинiи и другихъ городовъ.

Въ Каролинѣ, во Флоридѣ и въ нижней Луизианѣ онѣ попадаются уже въ большомъ количествѣ, а далѣе на западъ ихъ еще больше. Причина этому та, что порода эта, противно морскимъ породамъ, въ видѣ исключенiя только посѣщаетъ соленыя воды, и что путь свой, возвращаясь изъ странъ гдѣ гнѣздится, она направляетъ чрезъ внутренность континента. Съ нашихъ большихъ озеръ ова разсѣвается вдоль рѣкъ, поселяется на прудахъ, сырыхъ равнинахъ, затопленныхъ саванахъ и болотахъ внутри земель. Ее находятъ также въ густыхъ, высокихъ лѣсахъ, въ началѣ осени, и прежде даже чѣмъ появится темно-зеленый цвѣтъ, отличающiй голову самцовъ. Большое множество этихъ птицъ распространяется за предѣлы Соединенныхъ Штатовъ.

Чрезвычайно любопытно было бы узнать, въ какую эпоху эта порода птицъ была въ первый разъ приучена къ домашнему состоянiю; но я не осмѣливаюсь взять на себя рѣшенiе этой задачи и удовольствуюсь, сказавъ, что въ этомъ домашнемъ состоянiи,

кряква извѣстна всѣмъ. Въ молодости, она составляетъ вкусную пищу, а позже даетъ яйца, которыя тоже весьма цѣнятся. Постель сдѣланная изъ ея пуха рѣшительно привлекательнѣе жесткаго ложа нашихъ лѣсныхъ американцевъ, или доски, на которую протягиваетъ на ночь свои усталые члены милиціонеръ. Не удивляйтесь, дорогой читатель, если я скажу вамъ, что множество этихъ птицъ были воспитаны на озерахъ, близъ Миссиссипи, или даже на небольшихъ прудахъ въ низменныхъ мѣстностяхъ Кентуки и Индіаны; ибо много разъ мнѣ случалось въ этихъ самыхъ странахъ подкарауливать самокъ на яйцахъ, и овладѣвать птенцами, которыхъ заботливая мать вела для большой безопасности на какой нибудь ручеекъ.

Взгляните на этого красиваго самца, плавающего на озерѣ: онъ выпрямляетъ свою голову, которая блеститъ изумрудно-зеленымъ цвѣтомъ; глазъ его, янтарнаго цвѣта, искрится на солнцѣ; даже на этомъ разстояніи онъ замѣчаетъ васъ и подозрѣваетъ въ васъ недобрыя намѣренія, ибо видитъ въ вашихъ рукахъ ружье, а ему слишкомъ часто приходилось слышать его страшные выстрѣлы. Тотчасъ же онъ подбираетъ свои ноги подъ брюхо, сильно ударяетъ ими по водѣ два два, рыскрываетъ крылья, издаетъ нѣсколько шумныхъ *куакъ*, *куакъ* и былъ таковъ!

Вотъ еще другой передъ вами, на берегу этого журчащаго ручейка. Какъ легки и живы его движенія, сравнительно съ движаніями его братьевъ, которые такъ тяжело переступаютъ на вашихъ птичьихъ дворахъ! какъ несравненно граціознѣе его формы и

лоснистѣе его перья! Но вѣдь за то птица, которую вы видите у себя дома, происходитъ отъ рабской породы и ея природныя качества переродились и ослабѣли. Крылья ея такъ рѣдко бываютъ въ движеніи, что едва могутъ подымать ее съ земли. Но та, которая родилась и осталась свободною, надъ которою не тяготѣетъ рука человѣка—болотная кряква, наконецъ, посмотрите, какъ силенъ ея полетъ и съ какою быстротою она исчезаетъ за лѣсомъ!

Вообще кряквы появляются въ Кентукки и въ другихъ Штатахъ запада, съ половины сентября до перваго октября, или когда созрѣютъ буковые и дубовые желуди. Вскорѣ онѣ разсѣваются по всѣмъ прудамъ, на которыхъ растетъ трава съ зернами. Нѣсколько стай, руководимыхъ по видимому опытнымъ вожатымъ, опускаются прямо на воду, производя крыльями свистъ, который можно сравнить только съ шумомъ, производимымъ орломъ, когда онъ нападаетъ на свою добычу. Другія стай, какъ бы не довѣряя безопасности этого мѣста, пролетаютъ и возвращаются нѣсколько разъ, прежде чѣмъ рѣшатся опуститься.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они прежде всего начинаютъ купаться, ударяя крылья о бока, и выряютъ, дѣлая при этомъ такіе прыжки, что ихъ можно принять за сумасшедшихъ. На самомъ дѣлѣ однако всѣ эти прыжки, вся эта веселость имѣетъ, какъ кажется, цѣлью избавиться отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Послѣ этого онѣ какъ будто выражаютъ радость, испытываемую ими въ этомъ тепломъ климатѣ, послѣ утомительныхъ сутокъ проведенныхъ въ путе-

шествиі; онѣ чистятъ и охорашиваютъ свои перья, прежде чѣмъ примутся за ѣду. Всякій путешественникъ, на ихъ мѣстѣ, не сдѣлалъ ли бы тоже самое?

Теперь онѣ плывутъ небольшими кучками къ тѣнистымъ берегамъ. Взгляните какъ онѣ прыгаютъ изъ воды и нагибаютъ высокія травы. Горе улиткѣ, попадающей на ихъ пути! Другія полощатся въ тинѣ и и ведутъ войну съ пиявками, лягушками и ящерицами, подвертывающимися подъ клювъ. Самы ястарыя бѣгутъ въ лѣсъ и наполняютъ зобъ свой буковыми и дубовыми желудями, не пренебрегая ловить мимоходомъ мышей, которыя, испугавшись приближенія этихъ мародеровъ, спѣшатъ укрыться въ своихъ норкахъ. Во все это время криканье ихъ оглушило бы васъ, если бы вы были ближе... Но вдругъ оно прекращается; имъ угрожаетъ что-то особенное и всѣ они за разъ умолкаютъ. Шеи вытягиваются, головы выпрямляются и безпокойный взоръ ихъ окидываетъ всю окрестность. Къ счастью, ничего нѣтъ опаснаго: это медвѣдь, не менѣе лакомый до желудей, чѣмъ онѣ. Онъ перерываетъ мордою вновь свѣже упавшіе листья, или переворачиваетъ гнилой пень, ища въ немъ червей, и кряквы съ большимъ жаромъ принимаются за свое дѣло... Но вотъ послышался новый шумъ, и на этотъ разъ онъ гораздо тревожнѣе. Самъ медвѣдь приподымается на заднихъ лапахъ, фыркаетъ и съ глухимъ рычаніемъ быстро уходитъ въ глубину камышника. Утки спасаются на воду, ища убѣжища по срединѣ болота, и испуская нѣсколько подавленныхъ криковъ, ожидаютъ появленія предмета ихъ ужаса. Между тѣмъ врагъ приближается; тихими

шагами, осторожно переходить онъ отъ одного дерева къ другому, подъ прикрытіемъ ихъ тѣни. Онъ знаетъ, что лучшая добыча отъ него ускользнула: медвѣдь не достанется ему; но онъ голоденъ, а кряква все же хорошая цѣль для выстрѣловъ его заржавленной винтовки. Это индѣецъ: вы узнаете его по красной кожѣ, чернымъ волосамъ, коротко—стриженнымъ съ обѣихъ сторонъ головы. Посрединѣ плохаго одѣяла, пріобрѣтеніе котораго стоило ему однако очень дорого, онъ прорѣзалъ дыру и просунулъ въ нее свою обнаженную голову; эта тряпка служитъ ему, какъ попона лошади, защитою отъ послѣднихъ москитовъ, которые въ это время года еще съ остервеніемъ нападаютъ на его ноги и сосутъ его кровь. Берегитесь, утки! не теряйте болѣе ни минуты, ибо я вижу, что онъ прицѣливается въ васъ. Улетайте, улетайте поскорѣе! Нѣтъ?... ну, такъ одна изъ васъ навѣрно послушитъ ему обѣдомъ. Изъ за верхушекъ деревъ клубясь подымается дымъ; раздается выстрѣлъ и всѣ утки улетаютъ, кромѣ двухъ, которыхъ ранила одна и таже пуля, и тогда медленно приближается онъ, сынъ лѣсовъ; однимъ взглядомъ измѣриваетъ глубину болота и рѣшительно входитъ въ воду; потомъ съ помощію длиннаго камыша притягиваетъ къ себѣ свою добычу. Въ настоящую минуту этого довольно: онъ возвращается въ лѣсъ, зажигаетъ небольшой костеръ, и вскорѣ вокругъ него летаютъ перья. Скоро утки уже зажарены, и охотникъ съ удовольствіемъ принимается за вкусный обѣдъ, не теряя впрочемъ ни минуты времени. Но вѣдь луна должна

застать его уже на ногахъ и въ покетахъ, при свѣтѣ ея блѣдныхъ лучей, за другою дичью.

Утки, которыя остаются у насъ на весь годъ и гнѣзятся по берегамъ Миссиссипи, озера Мичиганъ или по долинамъ, окружающимъ тамъ и сямъ Шюилькиль (Schuyskill) въ Пенсильваніи, соединяются парами въ половинѣ зимы; и хотя никакимъ образомъ нельзя признать этихъ птицъ одаренными способностью пѣнія, однако это не мѣшаетъ имъ быть любезными по своему. Посмотрите на этого самца: съ какимъ кокетствомъ расправляетъ онъ шелковистыя перья, украшающія его голову! какъ красиво скользятъ свѣтъ по его крыльямъ, между тѣмъ какъ его ласковый говоръ выражаетъ всю силу его нѣжности. Его вниманіе и лесть поочередно обращаются то на ту, то на другую самку, и это служитъ источникомъ ревности и ссоръ, за которыми слѣдуетъ примиреніе и новыя ссоры. Наконецъ самки удаляются и отыскиваютъ безопаснаго мѣстечка, чтобы положить свои яицы и вывести птенцовъ. Онѣ собираютъ вокругъ себя большое количество сухой травы, которую довольно небрежно укладываютъ въ формѣ гнѣзда и кладутъ въ него отъ семи до десяти яиць. Потомъ онѣ вырываютъ сами у себя самый нѣжный пухъ, кладутъ его подъ яицы и начинаютъ медленный трудъ высиживанія, прерывая его на самыя короткія промежутки, только тогда, когда потребность пищи дѣлается слишкомъ сильною.

Наконецъ, по истеченіи трехъ недѣль, жизнь начинается проявляться подъ скорлупою и даетъ знать о себѣ слабыми криками, и новая семья, употребивъ

большое усиліе, является на свѣтъ. Какъ они милы, когда своимъ нѣжнымъ клювомъ расправляютъ свой пухъ! Но вотъ они уже слѣдуютъ за своею счастливою матерью, которая приводитъ ихъ къ водѣ, гдѣ они тотчасъ же начинаютъ купаться и нырять, какъ бы радуясь счастію жить.

Вдали, на другомъ болотѣ, держится въ сторонѣ самецъ усталый и похудѣвшій; безчувственный отецъ, онъ никогда не забодится о своихъ дѣтенышахъ; безъ всякаго сожалѣнія покинулъ онъ свою самку, которую когда-то казалось такъ любилъ! Какое ему дѣло до безпокойства и горести, которую она должна была испытать, увидѣвъ себя столь жестоко покинутою? Ей одной выпадаетъ на долю, сначала — тяжелая забота о яйцахъ, потомъ — хлопоты и страхъ за многочисленныхъ птенчиковъ, которыхъ она защищаетъ и охраняетъ съ опасностью жизни! Она ведетъ ихъ, этихъ милыхъ птенцовъ, вдоль береговъ покрытыхъ травами, въ неглубокія мѣста и учитъ ихъ ловить насѣкомыхъ, летающихъ въ изобиліи, мухъ, москитовъ и жуковъ, кружащихся или плавающихъ на поверхности. При малѣйшемъ признакѣ опасности они немедленно направляются къ берегу или ныряютъ и исчезаютъ.

Спустя шесть недѣль тѣ, которымъ удалось уйти отъ прожорливой пасти рыбъ и черепахъ, дѣлаются уже порядочно большими; у нихъ вырастаютъ стволы перьевъ у крыльевъ, а тѣло покрывается перьями; но ни одинъ изъ нихъ не способенъ еще летать. Они уже умѣютъ отыскивать себѣ пищу, погружая шею и голову въ воду, какъ они будутъ дѣлать это и впо-

слѣдствіи. Въ это же время они очень вкусны для стола, и мясо ихъ не менѣе нѣжно, какъ и сочно.

Наконецъ, когда листья желтѣютъ, молодыя кряквы начинаютъ свободно летать, и въ это самое время старые самцы присоединяются къ остальной стаѣ.

Землекопы на Миссиссипи воспитываютъ множество кряквъ, которыхъ они ловятъ очень молодыми и которымъ достаточно одного года, чтобы сдѣлаться совершенно ручными. Выведенные ими птенцы лучшаго качества, чѣмъ птенцы дикихъ утокъ, но только въ теченіе парваго и второго года; послѣ того они перерождаются и выводятъ уже обыкновенныхъ утокъ.

Я видалъ гнѣзды кряквъ, устроенныя на толстыхъ разбитыхъ пняхъ на разстояніи трехъ футовъ отъ земли и слишкомъ за милю отъ воды. Однажды въ лѣсу, я встрѣтилъ самку съ утятами, которыхъ она вѣроятно вела къ Огіо. Она первая замѣтила меня и спряталась со всѣмъ своимъ семействомъ въ травѣ. Когда я вздумалъ подойти къ ней, перья ея приподнялись и она начала грозно шипѣть, подобно гусю; въ это время птенцы разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. У меня была собака отличной породы и превосходно выдрессированная для ловли молодыхъ птицъ, не дѣлая имъ вреда. Я спустилъ ее по ихъ слѣдамъ; мать тотчасъ же полетѣла, но дѣлая видъ, что едва держится на крыльяхъ и готовая каждую минуту упасть. Она летала вокругъ собаки, какъ будто стараясь помѣшать ей въ ея поискахъ и наблюдать за ихъ результатомъ. Когда же утята, одинъ за другимъ, были пойманы и

принесены мнѣ, и я положилъ ихъ въ свой ягдташъ, гдѣ они бились и кричали,—мать съ такимъ несчастнымъ видомъ опустила на землю около меня, катаясь и кувыркаясь у меня подъ ногами, что я не могъ противустоять ей отчаянію. Я велѣлъ собакѣ лежать смирно и съ пріятнымъ чувствомъ, которое поимуть отцы, возвратилъ ей ея семью и удалился. Уходя я обернулся, чтобы наблюдать за ея дѣйствіями и мнѣ право показалось, что глаза ея выражали благодарность. Эта минута доставила мнѣ одно изъ самыхъ живѣйшихъ удовольствій, которыя я когда либо испыталъ, стараясь подмѣтить тайны природы.

Въ мѣстахъ мало посѣщаемыхъ, криквы летаютъ за пищую и днемъ и ночью, но когда ихъ смущаютъ ружейные выстрѣлы, онѣ вылетаютъ только ночью, или подъ вечеръ, и передъ восходомъ солнца. Въ холодное время они поднимаются вверхъ по теченію воды и даже удаляются на небольшіе источники, гдѣ ихъ встрѣчаешь въ обществѣ бекасовъ. Часто, послѣ сильныхъ дождей, можно видѣть какъ онѣ ищутъ червей на хлѣбныхъ поляхъ; а когда наступитъ ковецъ осени, онѣ любятъ клевать рисъ на плантаціяхъ Георгіи и Каролины. Я имѣю причины предполагать, что птицы эти совершаютъ тогда второй перелетъ, потому что онѣ прилетаютъ изъ внутри страны цѣлыми тысячами на рисовыя плантаціи. Во Флоридѣ онѣ появляются иногда въ такомъ множествѣ, что воздухъ наполненъ ими; шумъ, который производятъ онѣ, подымаясь съ обширныхъ саванъ, напоминаетъ грохотъ грома.

Во время моего пребыванія у генерала Гернадеса,

въ восточной Флоридѣ, птицы эти были такъ многочисленны, что одинъ негръ, котораго этотъ джентельменъ взялъ въ услуженіе въ качествѣ охотника, убивалъ по пятидесяти и до ста-двадцати кряквъ въ день, и такимъ образомъ прокармливалъ всю плантацію.

Полетъ кряквы быстръ, силенъ и довольно продолжителенъ. Однимъ ударомъ крыла она подымается съ земли, также какъ и съ воды, и летитъ перпендикулярно вверхъ, на высоту десяти или пятнадцати метровъ и даже, если вылетаетъ изъ лѣсу, до тѣхъ поръ, пока не перелетитъ верхушки самыхъ высокихъ деревьевъ; послѣ чего летитъ въ горизонтальномъ направленіи. Въ случаѣ какой нибудь опасности, она всегда выпускаетъ нѣсколько *куакъ, куакъ*, но если ей нечего бояться, то летитъ молча. Когда она летитъ въ воздухѣ, отправляясь куда нибудь далеко, шумъ производимый ея крыльями слышится на значительномъ разстояніи, въ особенности въ ночной тишинѣ. Она пролетаетъ, обыкновенно, полторы мили въ минуту. Но я твердо увѣренъ, что она можетъ дѣлать сто-двадцать миль въ часъ, если захочетъ этого и если дѣло идетъ о какомъ нибудь далекомъ путешествіи. Птица эта въ полномъ смыслѣ слова всеядное животное. Все кажется ей годнымъ для удовлетворенія своей чрезвычайной прожорливости; она пожираетъ все, что ни попадется ей:—всякую дрянъ, объѣдки, протухлую рыбу, также какъ и пресмыкающихся и маленькихъ четвероногихъ. Орѣхи и различные фрукты служатъ ей лакомымъ блюдомъ и ее быстро откармливаютъ рисомъ, хлѣбомъ и другими зернами. Вообще птицы эти такъ жадны,

что я часто видѣлъ двухъ кряквъ дравшихся и отнимавшихъ другъ у друга въ продолженіе цѣлаго часа шкуру угря, которую одна изъ нихъ уже проглотила до половины, между тѣмъ какъ другая тащила другую половину. Также съ большою ловкостью глотають онѣ мухъ и имѣють привычку топтать мокрую землю, чтобы выдавить изъ нея червей.

Кромѣ человекѣ, кряква имѣетъ враговъ въ бѣло-головицѣ, бѣломъ сиринѣ, виргинскомъ филинѣ, ра-кунѣ, рыси и черепахѣ. Она легко попадаетъ въ сѣти и ловушки, куда положены для приманки хлѣбныя зерна.

Яицы этой породы утокъ длиною въ два съ четвертью дюйма, а шириною въ одинъ вершокъ и $\frac{5}{8}$. Они не такъ велики, какъ яицы домашней породы; и рѣдко бываютъ такъ многочисленны. Скорлупа гладкая, зеленаго, слегка темнаго, цвѣта. Какъ скоро начинается высиживаніе, самцы соединяются стаями, до тѣхъ поръ, пока молодые не слѣлаются способными слѣдовать за ними въ ихъ перелетахъ. Онѣ выводятъ птенцовъ разъ въ годъ, и я никогда не находилъ въ ихъ гнѣздахъ яицъ осенью. Самка принимаетъ предосторожность покрыть ихъ, прежде чѣмъ удалится за пищу, и такимъ образомъ они содержатся въ достаточной теплотѣ до ея возвращенія.

ВОЛЧЬЯ ЯМА.

(Разсказъ Одюбона).

У людей существуетъ какое-то чувство вражды къ волку. Его сила, проворство, хитрость, въ которой онъ могъ бы поспорить съ своей ближайшею родственницею — лисицею, дѣлаютъ его предметомъ ненависти, въ особенности для хлѣбопашца, стада котораго всегда претериѣвайтъ отъ волка опустошенія. Въ Америкѣ, гдѣ животныя эти водились прежде въ изобиліи, и гдѣ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно встрѣтить ихъ въ большомъ количествѣ — съ ними обращаются не съ большимъ милосердіемъ, чѣмъ и въ другихъ частяхъ свѣта. Всякаго рода западни и ловушки употребляются, чтобы истребить ихъ, подобно тому, какъ дрессируютъ собакъ и лошадей на охоту за лисицами. Что же касается до волка, то, такъ какъ онъ сильнѣе и къ тому же можетъ бѣжать дольше чѣмъ лисица, — его рѣдко преслѣдуетъ откры-

тою охотою со сворей гончихъ или другихъ какихъ собакъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ раненъ, или, вслѣдствіе другого какого обстоятельства, не можетъ употребить въ дѣло всей своей силы. Однако по причинѣ большихъ опустошеній, производимыхъ имъ, и вреда, наносимаго имъ фермерамъ, всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы истребить его породу. Въ нашемъ краѣ мало примѣровъ нападенія волковъ на людей. Что касается до меня, я знаю одинъ только случай подобнаго рода и вотъ онъ:

Два негра, лѣтъ около двадцати-трехъ, жили на берегахъ Огіо, въ нижней части Кентукки; въ десяти же миляхъ отъ этого мѣста, на одной плантаціи, жили любимыя ими женщины. Часто, по окончаніи дневныхъ работъ, они отпраплялись къ нимъ въ гости, а самый ближайшій путь туда шель прямо черезъ большое поле сахарнаго тростника. Для любящаго человѣка всякая минута дорога и поэтому они обыкновенно выбирали эту дорогу, чтобы не терять времени. Наступила зима, холодная, мрачная, угрюмая; снѣгъ покрывалъ землю и дѣлалъ слѣды ихъ еще замѣтнѣе для голодныхъ звѣрей. Осторожные до нѣкоторой степени, наши молодые люди отправились съ топорами на плечахъ и шли такъ быстро, какъ только позволяла имъ узкая тропинка.

Время отъ времени казалось имъ, правда, что-то сверкало передъ ними, но въ простотѣ душевной они принимали это за дѣйствіе небольшихъ вѣтокъ, покрытыхъ снѣгомъ, которыя хлестали ихъ по лицу. Вдругъ страшный и протяжный вой раздался возлѣ нихъ, и

они тотчасъ же узнали, что имѣютъ дѣло съ цѣлой стаей волковъ, разъяренныхъ и отчаянныхъ отъ голода. Они останавливаются и готовятся къ оборонѣ, въ ожиданіи результата. Все вокругъ нихъ было покрыто мракомъ, и тишина ночи наполняла ихъ душу страхомъ. Что дѣлать? на что рѣшиться? Простоявъ нѣсколько времени неподвижно и наготовѣ къ отпору нападенія, они рѣшаются продолжать путь; но едва сдѣлали они шагъ, какъ первый изъ нихъ увидѣлъ себя окруженнымъ множествомъ непріятелей. Ноги его захватываются какъ бы въ тиски и со всѣхъ сторонъ онъ чувствуетъ мучительные удары когтей и зубовъ. Въ тоже самое время другіе волки кидаются на его товарища и опрокидываютъ его на землю. Оба они храбро защищались; но скоро одинъ изъ нихъ не подавалъ больше признака жизни, а другой, отчаяваясь отбиться и еще болѣе помочь товарищу, ухватился за сукъ дерева и взлѣзъ, какъ могъ, на верхушку, гдѣ наконецъ почувствовалъ себя въ безопасности. По утру онъ увидѣлъ остатки своего несчастнаго друга, обглоданные и раскиданные по землѣ, которая вся была закапана кровью; вокругъ лежали трупы трехъ волковъ; остальные исчезли. Тогда онъ слѣзъ съ дерева, поднялъ топоры и дотащился, какъ только могъ, до дома своего господина, которому рассказалъ свое грустное приключеніе.

Спустя около двухъ лѣтъ послѣ этого несчастнаго случая, разъ вечеромъ, проѣзжая между Гендерсономъ и Венсеномъ, я остановился провести ночь на одной фермѣ, построенной у самой дороги. Поставивъ лошадь

въ конюшню и освѣжившись самъ, я началъ по обыкновенію разговоръ съ фермеромъ, который спросилъ меня не хочу ли я навѣстить вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько волчьихъ ямъ, которыя онъ устроилъ за полъ мили отъ своего дома. Я охотно согласился на его предложеніе и послѣдовалъ за нимъ черезъ поля до опушки густого лѣса, гдѣ вскорѣ увидѣлъ ловушки, устроенныя для истребленія волковъ. Ямы, въ числѣ трехъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ метровъ одна отъ другой и глубиною около восьми футовъ, были гораздо шире внизу, чѣмъ вверху, чтобы ни одно животное, разъ попавъ туда, не могло выбраться. Отверстіе было закрыто платформою съ подъемомъ, устроенною изъ вѣтвей и прикрѣпленную къ центральной оси, которая служить подпорою. Сверху прикрѣпили большой кусокъ испорченнаго мяса, запахъ котораго былъ весьма непріятенъ для моего носа, но могъ легко привлечь волковъ. Хозяинъ мой пришелъ навѣстить ихъ въ этотъ вечеръ единственно потому, что привыкъ дѣлать это каждый день, чтобы увѣриться, что все въ порядкѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что волковъ этою осенью развелось множество и что они передушили у него почти всѣхъ овецъ и одного жеребенка, но что онъ приготовился дорого отплатить имъ за это. Онъ прибавилъ, что если я соглашусь остаться на нѣсколько лишнихъ часовъ, то завтра утромъ онъ обѣщается доставить мнѣ такое увеселеніе, какое не часто приходится встрѣчать въ этомъ краѣ. Послѣ этого мы возвратились на ферму и, хорошо выспавшись ночью, на другой день поднялись съ зарей.

«Я думаю, что все идетъ благополучно, сказалъ мой хозяинъ, потому что собаки выказываютъ большое нетерпѣніе. Это однако не болѣе, какъ бѣдныя овчарки; но совѣтъ тѣмъ обоняніе у нихъ не дурно.» Дѣйствительно, увидя, что онъ беретъ ружье, топоръ и большой ножъ, онѣ принялись выть отъ радости и скакать вокругъ насъ.

Въ первой ямѣ мы увидали, что приманка унесена, а платформа перековеркана: животное попало въ западню, но успѣло прорыть себѣ подземный ходъ, черезъ который убѣжало. Фермеръ заглянулъ въ другую яму... «Ага! вскричалъ онъ, кажется, тамъ сидятъ три молодца и притомъ отличной породы, я вамъ ручаюсь за это.» Я вытянулъ голову и увидалъ волковъ, двухъ черныхъ и одного рыжеватого; всѣ были порядочнаго роста. Они лежали на землѣ, съ повисшими ушами, и глаза ихъ выражали больше страхъ, чѣмъ испугъ.—«Теперь, сказалъ я, какимъ образомъ достать ихъ оттуда?»—«Какъ какимъ образомъ? я думаю, сойдя къ нимъ въ яму, гдѣ мы имъ перерѣжемъ нервы подколѣнокъ.» Будучи новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, я попросилъ у фермера позволенія остаться простымъ зрителемъ.—«Какъ вамъ угодно, возразилъ онъ, оставайтесь здѣсь и наблюдайте за мною черезъ хворостникъ.» Сказавъ это, онъ скакнулъ внизъ, вооружась сначала топоромъ и ножомъ, а я остался съ винтовкою. Стыдно было за трусость, которую выказывали волки. Онъ поочередно вытянулъ имъ заднія ноги и однимъ ударомъ ножа перерѣзалъ главную сухую жилу надъ суставомъ. Онъ исполнялъ это также спокойно, какъ если

бы дѣло шло о томъ, чтобы отмѣтить ягнать. Ахъ! вскричалъ онъ, когда вылѣзъ изъ ямы, мы забыли веревку: я побѣгу за ней! И онъ бросился бѣжать съ живостью и легкостью молодого человѣка. Въ скоромъ времени онъ прибѣжалъ назадъ, запыхавшись, весь въ поту и вытирая лобъ ладонью.—Теперь, за дѣло, сказалъ онъ.

Я долженъ былъ поднять и удерживать платформу, въ то время какъ онъ, съ ловкостью индѣйца, бросилъ веревку и накинулъ петлю на шею одного изъ волковъ. Мы приподняли его на верхъ совершенно неподвижнаго, точно мертваго отъ страха, съ ногами, лишенными всякаго движенія и жизни, болтавшимися и задѣвавшими за стѣны ямы, съ раскрытою во всю величину глоткою, и однимъ храпѣніемъ дающимъ знать, что онъ еще дышетъ.

Какъ только его растянули на землѣ, фермеръ развязалъ веревку съ помощью палки и предоставилъ волка на распоряженіе собакамъ, которыя тотчасъ же кинулись на него и задушили. Второй волкъ претерпѣлъ ту же самую участь; но третій, самый черный и самый старый, выказалъ больше ума въ ту минуту, какъ съ него сняли веревку и онъ увидѣлъ себя во власти собакъ. Это была, какъ мы послѣ увидали, самка, и хотя она могла дѣйствовать только передними ногами, она обратилась въ бѣгство и защищалась при этомъ съ мужествомъ, которое мы не могли не признать достойнымъ лучшей участи. Дѣйствительно, она защищалась храбро и награждала сильными ударами собаку, имѣвшую достаточно мужества, чтобы подойти къ ней;

послѣ этого собака съ воемъ убѣгала прочь, оставляя клочекъ шерсти. Видя все это, фермеръ убилъ волчицу пулею въ сердце, изъ боязни, чтобы она не убѣжала. Тогда собаки кинулись на нее и утолили свое мщеніе кровью звѣря, опустошавшаго стадо ихъ господина.

ГЕРОИ КАЛЕВАЛЫ.

(Статья вторая).

IV.

Долго мчало вихремъ легковѣрнаго Ильмаринена, долго несло его къ Сѣверу по той дорогѣ, которою разгуливаютъ одни вѣтры да шумныя бури; несло его пониже солнца, повыше мѣсяца...

Наконецъ бережно опустилъ его вихрь на землю около самыхъ дверей Лоухи, да такъ тихо, что и собаки не услышали, не залаяли.

Беззубая вѣдьма тѣмъ временемъ сама стояла на дворѣ у порога и очень удивилась такому неожиданному появленію Ильмаринена.

«Ты кто такой? Какъ это ты сюда попалъ? Вихремъ принесло тебя такъ незамѣтно, что и чуткія собаки не услышали?»—«Да не за тѣмъ я и пришелъ сюда, чтобы на меня собаки лаяли!» съ досадою отвѣчалъ кузнецъ. «Ужъ не изъ той ли ты страны, гдѣ живетъ знамени-

тый кузнецъ Ильмариненъ? Не знавалъ ли ты его тамъ? Не слыхалъ ли, отчего такъ долго не жалуешь къ намъ, когда мы уже давно его ждемъ, чтобы онъ выковалъ намъ Сампо.»—«Еще бы мнѣ не знать Ильмаринена, когда я самъ Ильмариненъ?» отвѣчалъ ей кузнецъ, которому польстилъ отзвѣвъ вѣдьмы о немъ.

Тутъ беззубая Лоухи опрометью бросилась въ избу и давай наряжать свою младшую красавицу дочку въ самое лучшее платье, надѣвать ей жемчугъ на шею и нанизывать на головной уборъ. «Одѣвайся дочка, поскорѣй да покрасивѣй; пріѣхалъ къ намъ дорогой гость, искусный кузнецъ Ильмариненъ, тотъ самый, что долженъ выковать намъ Сампо съ пестрою крышкою,» сказала она ей и пошла угощать Ильмаринена. Наполнила его, накормила, потомъ ласково обратилась къ нему съ вкрадчивою улыбкою: «Ты славишься своимъ искусствомъ, знаменитый кузнецъ, и вѣрно съумѣешь мнѣ выковать Сампо изъ лебяжьяго пера, изъ капли молока, изъ грчишнаго зернышка да изъ руна молодого башка. А если выкуешь, такъ и бери себѣ въ жены мою младшую дочку красавицу.» И вывела тутъ она свою дочку изъ другой комнаты на показъ Ильмаринину, и очень приглянулась ему стройная красотка, одѣтая въ нарядъ, блиставшій золотомъ и серебромъ и цвѣтными каменьями.

— «Я тебѣ выкую Сампо,» сказалъ онъ, и не трудна мнѣ будетъ эта работа, потому что вѣдь и небо ужъ выковано мною.»

И тотчасъ взялся онъ за работу; построилъ кузницу, сложилъ въ ней горнъ изъ дикаго камня, при-

ладилъ къ нему мѣхи, установилъ посрединѣ тяжелую наковальню, развелъ жаркій огонь и, бросивъ въ него матеріалы, изъ которыхъ должно было выйти Само, велѣлъ подмастерьямъ что есть силы раздувать огонь мѣхами. Три долгихъ лѣтнихъ дня и три ночи безъ усталы работали подмастерья, раздувая мѣхи и сгребая уголья въ кучу. Въ первый день заглянулъ Ильмариненъ внутрь горна и вытащилъ изъ огня огромный лукъ. Хорошъ былъ онъ и тугъ и красиво выложенъ по краямъ серебромъ и золотомъ, да одно только жаль: онъ былъ такъ золъ, что хотѣлъ каждый день убивать по одному человѣку, а въ праздники по два. Изломалъ его Ильмариненъ въ мелкіе дребезги и опять бросилъ въ огонь. На другой день, заглянувши въ горнъ, онъ вытащилъ изъ него челнокъ; красивъ онъ былъ и прочно обитъ снизу мѣдью и искусно выложенъ по краямъ золотомъ, да одинъ былъ у него недостатокъ: ему хотѣлось плыть только на войну и служить людямъ только для разбоевъ. И его разбилъ Ильмариненъ въ мелкія щепочки и снова бросилъ въ огонь. На третій день опять заглянулъ онъ въ горнъ и вытащилъ оттуда корову съ золотыми рогами, съ звѣздами во лбу.

Хороша была эта корова, да ужъ очень дика: все только рвалась она въ лѣсъ, да бодала всѣхъ своими рогами. Ильмариненъ изрубилъ и ее въ маленькіе кусочки, бросилъ въ огонь и прогналъ своихъ подмастерьевъ изъ кузницы. И созвалъ онъ вѣтры со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта и призвалъ бури раздувать огонь въ своемъ горнѣ. Завыли вѣтры: засвисталъ западный

загудѣлъ восточный, задулъ теплый южный вѣтеръ и потянулъ съ сѣвера рѣзкій, ледяной вихрь. И вотъ—подъ конецъ третьяго дня—пышетъ огонь и изъ дверей кузницы, искры летятъ изъ оконъ, дымъ столбомъ валитъ вверхъ и мѣшается съ облаками. Заглядываетъ Ильмариненъ внутрь горна и видитъ, что въ немъ ужъ начинается показываться среди пламени пестрая крышка Сампо. Быстро вытащилъ онъ его изъ пламени, положилъ на наковальню, сталъ ковать своимъ тяжелымъ молотомъ и вскорѣ было готово это чудное сокровище! Оно походило на мельницу, у которой съ одной стороны сыпалась мука, съ другой мелкая соль, а съ третьей свѣтлыя деньги. И устроена была эта мельница не проста, а искусно: на зарѣ молола она одну мѣру муки для дневного пропитанія, другую для продажи, а третью про запасъ.

Обрѣдалась беззубая Лоухи, увидѣвъ, что Сампо готово; долго не знала она, куда его спрятать, потому что нельзя было установить его ни въ одномъ изъ ея обширныхъ погребовъ. И снесла она его бережно въ мѣдную гору и заперла въ ней девятью крѣпкими замками.

— «Ну, теперь Сампо готово,» сказалъ кузнецъ беззубой вѣдмѣ самымъ вкрадчивымъ и ласковымъ голосомъ, «теперь можно мнѣ взять твою дочку за себя замужъ.»

Лоухи не смѣла ему отказывать, но дочь ея упрявилась и не хотѣла выходить за Ильмаринена. «Не любо мнѣ ѣхать въ чужую, дальнюю сторону, уходить изъ подъ родимаго крова,» отвѣчала она.

«Кто здѣсь безъ меня заставитъ пѣть птичекъ и кукушку куковать; уйду я—и они далеко отлетятъ отъ нашихъ холмовъ и лѣсовъ.»

Нахмурился Ильмаринень, надвинулъ шапку на самыя брови, а самъ глубоко призадумался. «Хоть бы на родину—то мнѣ вернуться удалось, хоть бы ктонибудь указалъ мнѣ дорогу къ ней,» шепталъ онъ про себя тихо.

Лоухи спросила его о причинѣ его задумчивости; онъ откровенно высказалъ передъ ней свою тоску по родинѣ. И надѣлила его Лоухи на дорогу всякими съѣстными припасами, снарядила ему легкій челнокъ, распустила на немъ бѣлый парусъ и послала попутные вѣтры сопровождать его до самыхъ береговъ отчизны.

Пасмурнѣе осенняго утра пріѣхалъ Ильмаринень домой и очень неохотно отвѣчалъ на вопросы Вейнемейнена, который любопытствовалъ узнать устройство Сампо, его новаго издѣлія, одареннаго чудными свойствами.

Вейнемейненъ очень хорошо понялъ изъ немногихъ и короткихъ отвѣтовъ своего брата, что ему не посчастливилось въ сватовствѣ, и премудрому пришло въ голову еще разъ попытать счастья, еще разъ искать руки гордой сѣверной красавицы, дочери Лоухи. Но какъ попасть туда, гдѣ живетъ она съ своею матерью и со всѣмъ своимъ родомъ? Дороги туда не зналъ никто, даже самъ Вейнемейненъ. И вздумалъ премудрый пѣ-

вещь строить такую лодку, которая бы сама довозила его, куда бы онъ ни пожелалъ ѣхать. Никому другому кромѣ могущественнаго Вейнемейнена не пришла бы въ голову такая смѣлая мысль, ни у кого бы и силъ не хватило ее выполнить; а ему все ни почемъ! Надобно было только выбрать дерево, которое по свойствамъ своимъ годилось бы для такого чуднаго судна. И послалъ Вейнемененъ своего пріятеля, Самзу Пемирвойнена (того самаго великана, который помогалъ ему засѣвать землю травами и деревьями) выбрать и срубить такое дерево. Пошелъ Самза, съ топоромъ на плечѣ, на востокъ, за три горы и пришелъ сначала къ осинѣ саженъ трехъ въ вышину, которая и спросила его поспѣшно: «чего тебѣ отъ меня надобно?» «Мнѣ нуженъ лѣсъ на постройку судна для Вейнемейнена,» отвѣчалъ великанъ. А ему въ отвѣтъ зашелестила густолиственная осина:

Промокать бы стало судно
Кабы строить изъ осины;
Стволъ мой полонъ всякихъ скважинъ,
Да къ тому же нынче лѣтомъ
Трижды червь мнѣ сердце выѣлъ
И подгрызъ меня у корня.

Пошелъ Самза на сѣверъ; видитъ, растетъ тамъ высокая ель, саженъ шесть въ вышину; ударилъ онъ по ней топоромъ и спросилъ: «ты-то ужъ вѣрно пригодишься на постройку Вейнемейнена?» Съ досадою зашумѣла ему въ отвѣтъ высокая ель:

Не гожуся я на лодку,
Ни на челнъ о шести ребрахъ;
Много есть во мнѣ пороковъ;
Трижды гнѣзда нынче лѣтомъ
Вилъ въ моей вершинѣ воронъ,
А въ вѣтвяхъ моихъ ворона.

Самза повѣрилъ и направился въ южныя страны. Тамъ увидѣлъ онъ громадный дубъ, девяти сажень въ обхватѣ. Къ нему обратился онъ съ вопросомъ: «не пригодишься ли хоть ты на постройку чуднаго судна для премудраго?» Умно и гордо отвѣчалъ ему дубъ:

Лѣсу есть во мнѣ довольно,
На постройку того судна;
Нѣтъ во мнѣ, высокомъ, скважинъ
И другихъ какихъ пороковъ.
Трижды въ нынѣшнее лѣто
Во мнѣ солнце укрывалось
И сіялъ въ вершинѣ мѣсяць,
На вѣтвяхъ кукушка пѣла,
Птички маленькія въ листьяхъ.

И срубилъ великанъ великана, обрубилъ его могучія вѣтви, изготовилъ изъ него для мудраго Вейне-мейнена столько досокъ, брусевъ и бревень, что всѣхъ и не пересчитаешь съ разу.

А мудрый пѣвецъ не спроста строилъ свое чудное судно. Онъ строилъ его при помощи своихъ могучихъ чаръ. Спѣлъ онъ одну пѣсню и глубокий киль лодки былъ готовъ; затянулъ другую—словно сами выросли изъ кили круглые бока; спѣлъ третью пѣсню—и бока

сами собою сошлись на носу, а по краямъ ихъ явились выемки для весель. Не доставало у премудраго трехъ завѣтныхъ словечекъ, чтобы достроить свою чудную лодку, срубить на ней корму и вставить по срединѣ мачту. Сталъ ломать себѣ голову премудрый, вспоминая тѣ три могучія слова, которыя ему были такъ нужны; сталъ гадать по внутренностямъ птицъ и звѣрей, надѣясь отыскать ихъ—все напрасно. «Я знаю, гдѣ найти мнѣ эти слова, сказалъ наконецъ Вейнемейненъ:—я найду ихъ въ царствѣ мертвыхъ, тамъ, гдѣ править могущественный Туони.» И отправился онъ въ путь, пошелъ въ царство мертвыхъ добывать себѣ три словечка, и какъ скоро онъ ни шелъ, а все прошелъ до него него недѣли съ три. Одну недѣлю шелъ все по лугамъ, поросшимъ травою, другую — по боярышнику, а третью, по можжевеловому перелѣску; и вотъ наконецъ показался вдали холмистый островъ, на которомъ править могущественный Туони надъ покинувшими землю мертвецами. Глубокая рѣка отдѣляла его отъ остальной земли. Увидавъ на другомъ берегу безобразную и маленькую дочку Туони, мудрый Вейнемейненъ сталъ просить ее, чтобы она перевезла его черезъ рѣку. Долго не соглашалась она перевести живого человѣка въ таинственное царство отца своего; долго старался обманывать ее Вейнемейненъ, придумывая разные предлоги въ оправданіе своего желанія перѣхать на другую сторону. Наконецъ онъ долженъ былъ сказать ей всю правду и она перевезла на другую сторону рѣки. «Глупый ты человѣкъ,» сказала она ему съ досадою, «тебѣ

бы дома сидѣть, а не сюда приходить! развѣ не знаешь ты, что приходятъ сюда многіе, а не уходитъ никто.» «Старымъ бабамъ прилично бояться всякихъ пустяковъ, а я ничего не испугаюсь!» отвѣчалъ Вейнемейненъ и смѣло направился къ дому Туони. Хитрая жена Туони, злая старуха, стала угощать Вейнемейнена пивомъ и встрѣтила его ласково. Но мудрый пѣвецъ былъ остороженъ. Искося взглянулъ онъ въ поданныя ему кружки пива и увидѣлъ, что въ нихъ плавали ядовитыя жабы и большіе черви свивались въ широкія кольца. Онъ отказался отъ угощенья и объяснилъ женѣ Туони, что онъ пришелъ къ ней не бражничать, а спросить у ея мужа тѣ три слова, которыя были ему необходимы для окончанія волшебнаго судна. Съ хитрой улыбкой отвѣчала ему жена Туони: «не дѣлится мой мужъ ни съ кѣмъ своею мудростью, не подѣлится и съ тобою, а въ наказаніе за твою смѣлость объявляю тебѣ, что ты ужъ никогда болѣе не увидишь своей родины.» И въ ту же минуту усыпила она премудраго и велѣла снести его на жесткую постель. Между тѣмъ поручено было одному старику и одной старухѣ, у которыхъ на рукахъ было всего по три пальца, ссучить много желѣзныхъ нитокъ и вытянуть столько же мѣдной проволоки, а сынъ Туони, у котораго вмѣсто пальцевъ на рукахъ были желѣзные крючки, сплелъ, изъ этихъ нитокъ и проволоки, сѣти, окружилъ ими весь дѣмъ отца своего и перегородилъ рѣку, чтобы мудрому Вейнемейнену нельзя было ускользнуть изъ царства мертвыхъ. Долго проспавши, проснулся премудрый и увидѣлъ себя въ страш-

ной опасности. Но не легко было его преодолѣть силою чаръ, превзойти его въ хитрости! Онъ обернулся сухою осокою, а потомъ пошелъ къ берегу чернымъ червякомъ, а тамъ скользнулъ въ воду гибкимъ змѣемъ, проползъ сквозь частыя сѣти, переплылъ глубокую рѣку, отдѣляющую островъ Туони отъ остального міра, и, выйдя на берегъ, долго и жарко благодарилъ Укко за его помощь въ опасномъ предпріятіи и въ легкомъ избавленіи изъ когтей Туони.

На другой день сынъ Туони, не видя нигдѣ Вейнемейнена, сталъ вытягивать на берегъ сѣти, закинутыя въ рѣку, но нашелъ въ нихъ красноперыхъ окуней, да широкихъ лещей, да серебристыхъ сиговъ — нигдѣ и слѣдовъ отъ премудраго не осталось.

Вернулся домой премудрый Вейнемейненъ, исходивъ безъ пользы многія тысячи верстъ, не добывъ изъ царства Туони тѣхъ могучихъ словъ, которыя нужны были ему для окончанія его чуднаго судна. «А ты еще попытайся,» сказалъ ему одинъ старый пастухъ, «ты сходи-ка на край свѣта къ Випунену, можетъ быть онъ знаетъ то, что тебѣ нужно? А ужъ кажется кому быть мудрѣе этого старика-великана? Все то онъ знаетъ и славится своею давнею мудростью.» «А какъ пройти-то къ нему?» спросилъ Вейнемейненъ. «Дорога къ нему идетъ не то, чтобы самая лучшая, ну да и не самая худая: одинъ день бѣжать нужно по игламъ, а другою пробираться по лезвьямъ мечей,

а третій — то весь идти по острымъ краямъ топоръ.»

Выслушалъ его Вейнемейненъ и пошелъ къ брату Ильмаринену и говорить: «скупй мнѣ, братецъ, сапоги изъ желѣза, да рубашку изъ желѣза, да такія же перчатки, да сдѣлай еще тяжелую стальную булаву; я собираюсь идти къ Випунену добывать себѣ мудрости отъ него.» — «Охота тебѣ идти въ такую даль! вѣдь Випуненъ-то ужъ давнымъ давно умеръ, ужъ не ставить больше своихъ силковъ да сѣтей по лѣсамъ для ловли птицъ и звѣрей.»

Но Вейнемейненъ не обратилъ вниманія на его слова, пустился въ путь-дороженьку, преодолѣлъ все препятствія и подъ вечеръ третьяго дня прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ жилъ нѣкогда мудрый великанъ Випуненъ. И увидѣлъ онъ, что лежитъ этотъ Випуненъ, словно большая гора, лежитъ и спитъ мертвымъ сномъ. Видно, давно ужъ спалъ онъ такъ, потому что на плечахъ успѣли у него вырасти трепетныя осины, на вискахъ гѣнистыя березы, на щекахъ широкія ветлы, на бородѣ частыя ивы, на лбу вѣковая сосна, а во рту старая смолистая ель. Посмотрѣлъ на все это Вейнемейненъ, вынулъ свой острый мечъ, порубилъ и осину, и ель, и частыя ивы, потомъ глубоко вонзилъ его въ широкія, толстыя губы Випунена: «Вставай, старина,» сказалъ онъ, «подымайся отъ долгаго смертнаго сна.»

Просыпается Випуненъ, начинаетъ ворчаться; земля кругомъ стонетъ, прахъ столбомъ вверхъ летитъ: чувствуетъ великанъ страшную боль въ пронзенныхъ ме-

чемъ губахъ, начинается отъ досады грызть клинокъ меча зубами, широко разѣваетъ свой громадный ротъ и Вейнемейнень, стоявшій на краю его, не успѣлъ остеречься, поскользнулся и провалился въ эту страшную пропасть.

Випунень очень спокойно закрылъ ротъ, потомъ проглотилъ премудраго пѣвца какъ муху и самодовольно улыбнулся:

«Славный кусочекъ!» сказалъ онъ, «случалось мнѣ много ѣсть на своемъ вѣку, случалось и козу, и корову, и цѣлаго вепря за разъ проглатывать, а такого еще никогда не приходилось.» И располагался онъ опять спокойно заснуть, но видно не суждено было...

Вейнемейнень совершенно неожиданно попалъ въ желудокъ Випунена и сталъ придумывать, какъ бы ему веселѣе провести время въ этой темной и просторной тюрьмѣ.

«Давай—ка займусь я кованьемъ!» подумалъ онъ, и тотчасъ же развелъ огонь, изъ рукавовъ своей одежды сдѣлалъ мѣха, приладилъ ихъ кое—какъ къ огню, и на своемъ колѣнѣ, закованномъ въ желѣзо, сталъ, какъ на наковальнѣ, ковать своею булавою. Коваль онъ день и ночь, безъ усталы; стучить, гремитъ, огонь раздуваетъ, уголья въ него ногами подгребаешь, только дымъ столбомъ вверхъ валить, да вскры съ пепломъ летятъ во всѣ стороны. Нѣтъ никакого покоя Випунену, ни днемъ, ни ночью! «Что это я за человѣка проглотилъ? Вотъ ужъ прошло сколько дней, а все во рту у меня какая—то конопь да уголья, а въ желудкѣ горячо и точно кто нибудь молоточкомъ постукиваетъ!» День

ото дня становилось ему все хуже и хуже, онъ наконецъ не зналъ куда и дѣваться отъ чудовища, которое проглотилъ съ просонья. Сколько ни старался онъ, какія ни употреблялъ средства, чтобы изгнать Вейнемейнена изъ своего желудка — все понапрасну. Онъ сталъ грозить ему своею силою и гнѣвомъ боговъ, тотъ только посмѣивался да булавою постукивалъ. Наконецъ Випунену пришлось ужъ такъ плохо, что онъ рѣшился вступить въ переговоры со своимъ жильцемъ. «Да выйдешь ли ты изъ меня когда нибудь?» взмолился къ нему Випунень. «Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо!» отвѣчалъ премудрый, «я отсюда не уйду, а все только ближе и ближе буду пододвигаться къ твоему сердцу со своею наковальнею, проберусь къ тебѣ въ самый мозгъ и ужъ тамъ устрою себѣ настоящую кузницу. Не выйду я изъ тебя, пока не услышу отъ тебя всего, что ты знаешь, пока не научусь всей твоей мудрости.»

Дѣлать нечего! Пришлось старику Випунену распоясаться; подумалъ онъ подумалъ, припоминая и собирая въ головѣ своей все, что зналъ, и запѣлъ пѣсню, въ которой складно передавалъ всѣ свои знанія. Много дней и много ночей пѣлъ онъ и слушалъ его внимательно Вейнемейнень, опершись головою на руки и стараясь не проронить ни одного слова. И не одинъ онъ слушалъ: въ небѣ солнце съ мѣсяцемъ приостановились, а на морѣ волны, даже струи рѣки не текли — всѣ слушали, всѣмъ хотѣлось получить отъ стараго Випунена хоть частичку его дивной мудрости.

Когда кончилась пѣсня Випунена, Вейнемейнень опрометью бросился вонъ изъ желудка его, обернулся

золотистою бѣлочкою, скользнулъ изъ его широкаго рта на землю и пустился бѣжать домой... Только что прибѣжалъ къ кузницѣ Ильмаринена, какъ тотъ и работу бросилъ, выскочилъ изъ нея, давай его распрашивать объ новомъ, опасномъ странствованьи. «Много я узналъ новаго,» отвѣчалъ ему премудрый, «большой мудрости нахватался, узналъ то, чего никто кромѣ меня теперь не знаетъ.» И пошелъ на берегъ достраивать свою лодку. Мигомъ достроилъ онъ ее, а много дней потомъ занимался тѣмъ, что ее разукрашалъ: всю ее вымазалъ красною краскою, облѣпилъ на носу серебромъ, а на кормѣ золотомъ, врубилъ въ середину крѣпкую мачту, потомъ, не откладывая на долго, собрался въ путь и въ одно прекрасное утро, когда Ильмариненъ еще храпѣлъ на постели, Вейнемейненъ спустилъ свою лодку на воду, поднялъ бѣлый парусъ и поплылъ къ далекимъ берегамъ Пойолы. Но не могъ онъ уплыть незамѣтно: женщины полоскали на берегу бѣлье и видѣли, какъ онъ отплылъ, спросили его куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ? А когда онъ рассказалъ имъ о цѣли своего путешествія, то не прошло и часу, Ильмариненъ ужъ зналъ и объ его отъѣздѣ, и объ его намѣреньи... Скоро сѣдмалъ онъ коня, еще скорѣй того садился въ сѣдло и гналъ его во всю прыть въ Пойолу...

Видно ужъ очень не хотѣлось Ильмаринену уступить свою невѣсту другому, видно скоро и ѣхалъ онъ, потому что поспѣлъ въ Пойолу въ одно время съ братомъ своимъ: тотъ моремъ плылъ, а этотъ берегомъ за нимъ слѣдилъ. Въ одно время они и въ домъ Ло-

ухи вступили: но гордая дочка беззубой вѣдьмы на старика Вейнемейнена и взглянуть не хотѣла (хоть мать и совѣтывала ей выбрать именно его въ мужа), а Ильмаринену объявила, что охотно пойдетъ за него за мужъ.

Поднялась на всемъ Сѣверѣ страшная суматоха— все стали готовиться къ свадьбѣ. Все хлопотали, все шумѣли, всюду пиво варили, вино курили, во всехъ кухняхъ готовили кушанья, всюду шили наряды одинъ другого красивѣе— все хотѣлось побывать на свадьбѣ дочери Лоухи съ Ильмариненомъ. Всѣхъ и пригласили на эту свадьбу, забыли пригласить только Леминкайнена.

V.

Леминкайненъ жилъ далеко отъ всехъ другихъ людей, далеко отъ Ильмаринена и Вейнемейнена, на морскомъ берегу, вмѣстѣ съ матерью и своимъ сильнымъ родомъ. Долго жилъ онъ спокойный и довольный, пока и ему не вздумалось свататься за дочку Лоухи. Напрасно отговаривала его мать, утверждая, что тамъ онъ погибнетъ. Леминкайненъ смѣялся ея словамъ и поѣхалъ на Сѣверъ. Лоухи приняла его ласково, но сказала, что если онъ хочетъ получить ея дочку себѣ въ жены, то долженъ исполнить нѣсколько трудныхъ задачъ. Смѣлый Леминкайненъ, не блѣднѣвшій ни передъ какою опасностью, взялся исполнить тѣ трудныя задачи, которыя придумала для него Лоухи. Хитрая вѣдьма

взвалила на его плечи такіе труды, что несчастный Леминкайнень долженъ былъ погибнуть. Гоняся за адскими лебедами на рѣкѣ, отдѣляющей царство Туони отъ остального міра, онъ нечаянно упалъ въ воду, а злой сынъ Туони тотчасъ же подхватилъ его и изрубилъ въ куски. Только материнская любовь помогла тогда Леминкайнену. Прослышавъ о смерти его, мать поспѣшила на Сѣверь, разузнала подробно о мѣстѣ, въ которомъ погибъ ея сынъ, своими руками повытаскала всѣ куски его тѣла изъ воды, сложила ихъ плотно, помазала бальзамомъ и силою своихъ чаръ заставила жизнь возвратиться въ омертвѣвшее тѣло. Тутъ рассказалъ Леминкайнень матери о своихъ похожденияхъ и гибели, потомъ вмѣстѣ съ нею отправился домой. Страшная опасность, которой подвергся онъ при этомъ послѣднемъ предпріятіи, надолго отбила у него всякую охоту куда бы то ни было удалиться изъ дому. Но когда до него дошли слухи (а слухъ у него былъ тонкій) о томъ, что на Сѣверѣ готовится свадебный пиръ, что всѣ приглашены на пиръ, одинъ только онъ забыть — тогда загорѣлся Леминкайнень страшною злобою на Лоухи, на ея мужа и на весь ея родъ. Одна только мысль о мести завладѣла всѣмъ его сердцемъ и онъ рѣшился тотчасъ же привести ее въ исполненіе. «Матушка,» сказалъ онъ, подойдя къ своей матери, «накорми меня, напои меня, вели вытопить для меня баньку, дай мнѣ мои лучшія одежды и отпусти меня въ дальній путь дороженьку.» — «Куда это ты, сыночекъ, собрался? ужь не за хищною ли рысью гоняться, не легкихъ ли бѣлокъ стрѣлять?»

— «Нѣтъ, матушка, не на охоту стремлюсь я, не на забаву себѣ, а иду на свадебный пиръ въ Пойолу, иду мстить Лоухи и мужу ея, и всему роду ея, за то, что они одного меня не позвали къ себѣ на праздникъ, надо мною однимъ посмѣялись!» — «Не ходи ты туда, куда тебя не звали; не будетъ въ томъ проку, коли пойдешь! смотри, смотри, не нажить бы тебѣ худа, не накликать бы тебѣ бѣды на свою голову да и на мою—то также!» говорила ему мать. «Не ходи, сыночекъ, не пришлось бы мнѣ на старости лѣтъ проливать горькія слезы по тебѣ, моемъ милымъ сыночкѣ!» — «Нѣтъ! не прощу я имъ этой обиды!» отвѣчалъ ей безстрашный сынъ ея, «они меня не звали, такъ мечемъ развѣдаюсь съ ними!» — «Знаю я, сынъ мой, что ничто тебя не устрашаетъ, да вѣдь, прежде чѣмъ дойдешь до Пойолы, много встрѣтишь ты на своемъ пути преградъ и опасностей.» — «Какія же это преграды, матушка? есть ли тамъ такія, которыхъ бы стоило пугаться: вѣдь женщины часто и по пустому боятся...» — «Не попустому боюсь я, сыночекъ, и самъ ты вспомнишь мои слова! Первая тебѣ преграда встрѣтится: огненная рѣка, а на той рѣкѣ огненная скала, а на той скалѣ огненный орелъ, сидитъ и днемъ клювъ, а ночью когти точитъ на гибиль всякаго прохожаго—чужого человѣка. Вторая преграда на пути твоёмъ будетъ огненная пропасть, которая тянется отъ востока до запада; полна она раскаленныхъ камней и влечетъ къ себѣ всякаго прохожаго—чужого человѣка. Многія тысячи людей сложили ужь въ ней свою голову! А третья преграда: у самыхъ воротъ

Пойолы, въ самомъ узкомъ мѣстѣ пути попадется тебѣ навстрѣчу огромный волкъ, такого нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не слыхано: многія тысячи людей растерзаль ужь онъ, растерзаетъ и тебя, горемычнаго!» — «Не испугаешь ты меня этими преградами, матушка, а лишь больше во мнѣ желаніе преодолѣть ихъ,» отвѣчалъ матери безсташный Леминкайнень.» — «Да что въ томъ проку, если и преодолѣешь ты все эти препятствія? Самое-то страшное на концѣ пути предстоитъ тебѣ: вокругъ всей Пойолы тынъ желѣзній отъ земли и до неба, а за желѣзнымъ тыномъ стальныя стѣны; стѣны оплетены шипящими змѣями, а въ узкихъ воротахъ лежитъ огромный и толстый змѣй, покрытый желѣзною чусуею—гордо поднимаетъ онъ голову и страшно разѣваетъ пасть на встрѣчу каждому, входящему въ ворота, всегда готовый проглотить всякаго прохожаго-чужого человѣка. А за стальною стѣною частоколь стоитъ и на каждомъ-то колышкѣ по головушкѣ; на одномъ только колу головы еще нѣтъ—видно твоей-то головѣ и быть на немъ, сыночекъ, коли вздумаешь идти не прощенный на свадебный пиръ въ Пойолу.» «Не ребенокъ ужь я, матушка, не побоюсь всехъ этихъ страховъ! съумѣю я проложить себѣ торную дорогу!» отвѣчалъ Леминкайнень, надѣлъ тяжелую кольчугу, опаялся отцовскимъ мечемъ, простился съ матерью, сѣлъ на коня и поѣхалъ путемъ дорогою на сѣверъ, обдумывая, какъ бы ему лучше отомстить Лоухи, а старушка мать его долго смотрѣла ему вслѣдъ и гадала: вернется ли

онъ еще домой или оставить свою буйную голову на чужой сторонѣ?

Не много проѣхалъ Леминкайнень и наѣхалъ на стаю тетеревей, спугнулъ ихъ съ дороги его бодрый конь, взвились они тучею вверхъ и оставили послѣ себя на землѣ только нѣсколько перышковъ. Леминкайнень сошелъ съ коня, думаетъ: «дорожному человѣку все пригодится!» и сунулъ тѣ перья въ сумку. Немного проѣхалъ онъ далѣе и стали сбываться слова его старушки матери; видитъ онъ прямо передъ собою широкую огневную рѣку, а на ней ни мостика, ни лодочки, только клокочетъ въ ней огненная влага, словно вода въ котлѣ, и огненные волны бѣшено бьются объ раскаленную скалу; а на вершинѣ скалы сидитъ огромный огненный орелъ, все только крыльями хлопаетъ да точитъ о камни свой страшный клювъ. Остановился безстрашный Леминкайнень, видитъ, не проѣхать ему такъ, обратился къ орлу съ рѣчью: «пропусти меня, птица орелъ, ѣду я на пиръ въ Пойолу; отвернись на мигъ въ сторону, чтобы я тѣмъ временемъ могъ черезъ рѣку перебраться!» Съ насмѣшкой отвѣчалъ ему орелъ: «никого еще не пропускалъ я доселѣ мимо себя, не пропущу и Леминкайнена; одна ему дорога и лежитъ прямоѣзжая — въ мою глотку.» Не испугался его угрозъ Леминкайнень, быстро сунулъ руку въ сумку, вынулъ оттуда нѣсколько перьевъ, потеръ ихъ между своими ладонями, и вотъ взвилась у него съ рукъ огромная стая глухарей, взвилась и полетѣла прямо въ

отверстую пасть чудовищнаго огненнаго орла, и пока-мѣсть онъ съ жадностью глоталъ ихъ, Леминкайненъ ударилъ своего коня плетью и живо перескочилъ добрый конь черезъ рѣчку и повнесся стрѣлой отъ рѣки.

Недолго онъ ѣхалъ спокойно; конь его вдругъ заортался, задрожалъ всею тѣлою и остановился какъ вкопанный. Привсталъ Леминкайненъ на стременахъ, смотритъ впередъ и видитъ, что добрый конь остановился на самомъ краю глубокой и широкой огненной пропасти. Широко и далеко тянулась она въ обѣ стороны, отъ востока до запада, и была полнымъ-полнехонька раскаленными камнями. Взмолился Леминкайненъ всемогущему Укко о помощи, и недолго заставилъ Укко ждать своей помощи. Со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта собралъ онъ надъ пропастью темныя тучи, и вдругъ густой снѣгъ большими хлопьями повалилъ на раскаленные груды камней. Меньше чѣмъ въ минуту выпало снѣгу на сажень, и снѣгъ этотъ растаялъ, такъ что на мѣстѣ пропасти образовалось большое озеро съ тонкою ледяною поверхностью. Тутъ Леминкайненъ не задумываясь перебрался черезъ озеро по тонкому ледку и, достигнувъ другаго берега, повнесся стрѣлою по своему трудному пути.

Такъ ѣхалъ онъ два дня. На третій подъѣзжаетъ къ Пойолѣ и въ самомъ узкомъ мѣстѣ дороги видитъ—выходитъ къ нему на встрѣчу громадный волкъ; еще издали страшно разѣваетъ онъ свою пасть и съ дикимъ воемъ выжидаетъ приближенія неосторожнаго путника. Но Леминкайненъ ничуть не испугался этого чудовища. Быстро вынулъ онъ изъ своей

дорожной сумки клокъ овечьей шерсти и сталъ тереть ее между своими сильными пальцами. И вотъ изъ подъ рукъ выбѣжало цѣлое стадо курчавыхъ, жирныхъ овечекъ и прямо бросилось въ пасть чудовищнаго волка. Пока онъ справлялся съ цѣлымъ стадомъ Леминкайненъ преспокойно проѣхалъ мимо и прижался къ громадному желѣзному тыну, которымъ окружена была вся Пойола. Тынъ этотъ на сто сажень уходилъ въ глубь земли, да на тысячу сажень возвышался надъ землею. Подивился ему Леминкайненъ и сказалъ самъ себѣ: «Вотъ диво, такъ диво! Ужь, кажется, какъ вѣдь низко ползають змѣи, а тынъ ниже ихъ уходитъ въ землю; кажется, какъ вѣдь высоко носятя въ воздухѣ птицы, а тынъ выше ихъ теряется въ облакахъ.» И вынулъ онъ отцовскій мечъ, который и камни, и желѣзо рубилъ какъ сухія щепки, и сталъ онъ тѣмъ мечемъ разбивать желѣзный тынъ и скоро вырубилъ въ немъ такое мѣсто, черезъ которое могъ съ конемъ своимъ свободно проѣхать. Но что же онъ встрѣтилъ за тыномъ? Высокую стѣну, сверху до низу обвитую стоглазыми змѣями, облѣпленную огромными ящерицами, оплетенную ядовитыми ехиднами. И всѣ они злобно шипѣли и поводили своими зелеными глазами и яростно разѣвали широкія пасти, выставляя наружу свое раздвоенное ядовитое жало; не было ни проходу, ни проѣзду, и не рѣшился храбрый Леминкайненъ прямо пробираться на добромъ конѣ своемъ черезъ этихъ чудовищъ. Подумалъ, подумалъ онъ и сталъ говаривать змѣй и ехиднѣ, чтобы онѣ его пропустили къ Пойолу; но тѣ только злобно шипѣли въ отвѣтъ

на его рѣчи. Тогда припомнилъ Леминкайнень страшные заговоры противъ змѣй и едиднѣ , заговоры старинные, которые еще въ дѣтствѣ случалось ему слышать отъ его старой матери. «Слушайте, змѣи,» сказалъ онъ, «уступите мнѣ дорогу, а не то раскажу я всему свѣту объ вашемъ происхожденіи, и тогда вы отъ стыда попрячетесь въ самые дальніе углы вашихъ норъ ; знаю я, откуда вы произошли: васъ породило чудовище Сіётёръ. Оно плюнуло въ море, и долго слюна его носилась по бѣлогривымъ волнамъ , долго убаюкивали ее свѣжіе морскіе вѣтры. И вотъ взглянулъ на нее всемогущій Укко, создавшій весь миръ, и сказалъ самъ себѣ: «еслибы мнѣ вздумалось оживить эту слюну и дать ей глаза , то изъ дурнаго могло бы выйти лишь дурное, отъ чудовища могло бы произойти лишь чудовищное.» Услышавъ слова эти злой духъ Хіизи, всегда готовый на дурное дѣло, и рѣшился самъ создать чудовище изъ этой слюны: вдунулъ онъ въ нее жизнь, всажилъ ей внутрь вмѣсто сердца уголь изъ адскагопла мени, и явилась на свѣтъ ты, лютаязмѣя!» И словно устыженные тѣмъ, что Леминкайнень предъ лицомъ всего свѣта рассказалъ объ ихъ происхожденіи, змѣи, шипя и свиваясь въ широкія кольца, блистая на солнцѣ своей чешуею , поползли въ разныя стороны, стараясь укрыться въ рытвинахъ и расселинахъ; вслѣдъ за ними разсыпались и исчезли въ травѣ пестрыя ящерицы, и безстрашному Леминкайнену открылась широкая дорога въ Пойолу.

Смѣло вступилъ Леминкайнень въ обширный покой дома Лоухи, гдѣ за огромнымъ столомъ сидѣло множество гостей, созванныхъ ею и мужемъ ея на свадебный пиръ. Вошелъ Леминкайнень — и липовыя доски въ полу закрипѣли, и толстыя сосновыя стѣны зашатались, а всѣ гости между собою переглянулись. «Здравствуй,» сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину дома, мужу беззубой вѣдьмы, и бросая шапку на столъ. «Давай мнѣ мѣсто за столомъ, давай корму моему коню, а мнѣ пива и меду.» Не поклонился ему хозяинъ и мрачно отвѣчалъ, не вставая съ своего мѣста: «не звалъ я тебя и нѣтъ тѣбѣ здѣсь мѣста за столомъ; твое мѣсто за дверьми; еще и не сѣянъ тотъ овесъ, которымъ я накормлю коня твоего, еще и не сажень хмѣль, съ которымъ стану варить для тебя пиво.» Грозно засверкали глаза у Леминкайнена; одною рукою откинулъ онъ свои черные волосы, другою растолкалъ гостей, сидѣвшихъ за столомъ, и самъ усѣлся на ихъ мѣсто такъ, что толстая скамья подъ нимъ застонала. «Ты меня не пригласила къ себѣ на пиръ,» сказалъ онъ, обращаясь къ Лоухи, «а созвала со всѣхъ концевъ свѣта всякую дрянъ, такъ я вотъ самъ къ тебѣ явился — угощай же меня поскорѣ!» — «Угости его пивомъ,» сказала съ злобною усмѣшкою Лоухи одной изъ служанокъ, и та тотчасъ же поднесла Леминкайневу въ какомъ то черепкѣ не пива, а прокисшаго сусла. Заглянулъ внутрь черепка Леминкайнень и видятъ, что плаваютъ въ немъ ядовитыя ехидны, а по краямъ ползаютъ черные черви и бѣгаютъ зеленыя ящерицы. Не задумался безстрашный, порылся въ до-

рожной сумѣ своей, вытащилъ оттуда рыболовный крючокъ и имъ повытаскалъ изъ черепка жабъ, змѣй, червей и ящериць. Съ улыбкой изрубилъ онъ ихъ ножомъ и перетопталъ ногами, а пиво выпилъ безвредно. «Такъ-то ты меня угощаешь, хозяинъ», сказалъ наконецъ Леминкайнень. «Не жди отъ меня другаго угощенія, а убирайся вонъ: я тебя не звалъ.» — «Ты, значить, и папоть не можешь гостя, который печально забредеть въ твой домъ?» — «На, пей,» сказалъ Леминкайнену мужъ Лоухи и ударилъ въ полъ ногою; въ ту же минуту у ногъ Леминкайнена появился прудокъ, наполненный грязною водою. «Нѣтъ, я не теленокъ, что стану пить воду изъ лужи,» возразилъ онъ и махнулъ рукою, и тотчасъ же явился бычокъ съ золотыми рогами и разомъ выпилъ всю воду въ прудкѣ. Озлился хозяинъ, послалъ на этого бычка огромнаго сѣраго волка. А Леминкайнень опять махнулъ рукою и передъ самымъ носомъ у хищнаго волка сталъ прыгать веселый, бѣленькій зайчикъ, который обратилъ на себя все вниманіе волка.

Видитъ мужъ Лоухи, что не одолѣтъ ему будетъ Леминкайнена силою чаръ; онъ бросился къ стѣнѣ, сорвалъ съ нея свой длинный мечъ и быстро подошелъ къ Леминкайнену. «Слушай, Леминкайнень, ты помѣрился со мною въ знаніи страшныхъ чаръ и заклинаній, помѣряемся же теперь мечами: посмотримъ чей мечъ лучше.» — «Гдѣ моему мечу равняться съ твоимъ,» сказалъ Леминкайнень съ насмѣшкой, «онъ вѣдь весь ужь поломался, ударяясь о кости враговъ, весь зазубрился, разрубая черепа. А впрочемъ я го-

тѣвъ помѣряться съ тобою и мечами! Только выйдемъ отсюда, не мѣсто здѣсь драться и тревожить честныхъ гостей.» Вышли они на средину двора (а дворъ тотъ былъ обнесенъ частоколомъ и на каждомъ то колышкѣ было воткнуто по головушкѣ, только на одномъ колѣ головы не было). И вотъ зазвенѣли мечи, посыпались искры отъ тяжелыхъ ударовъ клинка объ клинокъ; жарко нападалъ на Леминкайна злой мужъ Лоухи и спокойно отражалъ его удары безстрашный Леминкайненъ; наконецъ, выбравъ удобную минуту, онъ вдругъ самъ напалъ на своего противника и такъ сильно ударилъ его въ грудь, что тотъ упалъ на землю. Быстро подскочилъ тогда къ нему Леминкайненъ, снесъ мечемъ съ его широкихъ плечъ голову и съ торжествомъ воткнулъ ее на пустой колъ. Потомъ вошелъ онъ въ покой, гдѣ все еще пировала Лоухи съ гостями. «Не хотѣла ты мнѣ дать пива напиться, такъ дай же теперь воды вымыть руки, запачканные кровью твоего негостепріимнаго мужа.»—Кто можетъ изобразить ярость беззубой Лоухи! Она стала бросаться во всѣ стороны, кричать, мохать руками, и вотъ, со всѣхъ сторонъ, словно изъ земли выросли, являются сотни и тысячи людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ длинными копьями, съ сверкающими мечами въ рукахъ. Всѣ они стремятся на зовъ старой вѣдьмы, всѣ мрачно глядятъ на Леминкайна. Видитъ онъ, что грозитъ ему бѣда неминуемая и что въ Поюлѣ ему нельзя болѣе оставаться; выскочилъ на широкій дворъ, видитъ, что коня его нигдѣ на дворѣ нѣтъ и обернулся онъ сизымъ орломъ, какъ молнія взвился

подъ облака и понесся быстрѣе мысли на родину, къ своей старушкѣ матери.

Долго ли коротко ли летѣлъ онъ, а только прилетѣлъ домой блѣдный, усталый и сильно разстроенный. «Матушка,» сказалъ онъ, «ты права была, когда останавливала меня и уговаривала не ѣздить въ Пойолу. Я навлекъ страшныя бѣды и на твою, и на свою голову; сюда идутъ вооруженныя толпы, ихъ посылала старая беззубая Лоухи, чтобы отомстить мнѣ и всей семьѣ моей за смерть ея мужа, убитаго мною. Что мнѣ дѣлать, куда мнѣ съ тобою укрыться?» — «Обо мнѣ не безпокойся, сынъ мой, я съ умѣю укрыться отъ безжалостныхъ враговъ, что же касается тебя, то, если ты дашь мнѣ слово шестнадцать лѣтъ сряду не вынимать послѣ этого меча изъ ноженъ, я укажу тебѣ убѣжище, въ которомъ никому не удастся отыскать тебя.» Матушка, даю тебѣ слово, только скажи мнѣ, гдѣ же это безопасное убѣжище? Далекое ли отъ тебя и отъ родины?» — Далекое, сыночекъ, очень далеко; возьми отцовскій челнокъ, садись въ него и плыви въ немъ черезъ девять морей въ десятое. Тамъ, по срединѣ десятого моря, высится подъ водами скалистый островъ. Весело живутъ тамъ люди, ни въ чемъ не нуждаясь; укройся тамъ отъ преслѣдованій и живи беззаботно два года, на третій возвращайся подъ родимый кровъ.»

На другое утро солнце застало уже Леминкайнена на морѣ. Поднявъ бѣлый парусокъ, быстро мчался онъ на своемъ легкомъ челнокѣ вдаль отъ родины и родимой матушки. Заботливая рука матери обложила его разными съѣстными припасами и всеѣмъ, что могло

ему понадобится и въ пути, и на чужбинѣ. Не мало времени плылъ онъ—три мѣсяца убаюкивали его безпокойныя волны подъ вечеръ и будили своимъ плескамъ на зарѣ. Наконецъ засинѣлся вдали желанный островъ.

Въ то время на берегу острова сидѣло много женщинъ и старыхъ, и молодыхъ; однѣ ожидали сыновей, другія отцевъ и братьевъ, третьи дорогихъ жениховъ и мужей. Завидѣли онѣ вдали на морѣ черную точку и стали говорить: «что это на морѣ? Ужь не наши-ли корабли идутъ издалека съ дорогимъ товаромъ? Не несутъ ли они намъ вѣстей о далекихъ странахъ? Не везутъ ли намъ праздничныхъ нарядовъ?» Но черная точка очень скоро приближалась къ острову и наконецъ всѣ сидѣвшія на берегу женщины увидѣли, что то былъ челнокъ, мѣрно колыхавшійся на волнахъ, что въ томъ челнокѣ сидѣлъ юноша, прекрасный собою, одѣтый въ богатое платье; черные глаза его блистали какъ молніи, а чудные черные волосы рассыпались по плечамъ его мягкими кудрями. Смѣлою рукою направилъ онъ свой челнокъ къ берегу и подѣзжая сказалъ сидѣвшимъ на берегу женщинамъ: «не найдется ли здѣсь на берегу мѣстечка, въ которомъ бы я могъ вытащить свой челнокъ и посушить его на солнцѣ послѣ долгаго переѣзда?» — Есть здѣсь мѣсто цѣлой сотнѣ челноковъ, не только твоему одному,» отвѣчали ему съ берега женщины. Вышелъ Леминкайненъ на берегъ, вытащилъ свой челнокъ на сушу, потомъ поклонился женщинамъ и сказалъ: «не найдется ли здѣсь на острову мѣстечка укрыть меня, сиротинушку, отъ

боевого шума и звонкаго стука мечей?» — «Есть у насъ и высокіе, крѣпкіе замки, и богатые дома; можемъ мы тебя укрыть, сиротинушку, да и не тебя одного, а тысячу такихъ же, какъ ты, молодцевъ.» — «Не найдется ли здѣсь мѣстечка, гдѣ бы я могъ пѣть свои протяжныя, заупывныя пѣсни — слова такъ и тають у меня на устахъ, такъ и просятъ, чтобы я сложили ихъ въ сладкозвучную пѣсню.» — «Есть здѣсь мѣсто и для твоихъ пѣсенъ,» отвѣчали ему женщины, «есть и рощи для веселыхъ игръ, есть и лужайки для шумной пляски.»

И запѣлъ Леминкайнень могучія, завѣтныя пѣсни своей родины, и выросли около него изъ земли кусты ароматнаго боярышника, а передъ нимъ поднялся высокій дубъ, съ золотыми желудями на вѣтвяхъ; а на томъ дубу сидѣла кукушечка, и каждый разъ какъ она открывала ротъ, изъ него выливалось яркое золото, а изъ подъ крыльевъ сыпалось свѣтлое серебро на землю. Онъ пѣлъ, и отъ пѣсенъ его обращался песокъ въ крупныя жемчужины. Простой булыжникъ становился блестящимъ драгоценнымъ камнемъ, и золотые цвѣты выростали на травѣ. Всѣ слушали его съ восторгомъ и съ изумленіемъ глядѣли на то, что происходило у нихъ надъ глазами.»

«Спѣлъ бы я вамъ и получше пѣсенку, кабы сидѣлъ теперь за столомъ не подъ открытымъ небомъ, а подъ кровлею дома.» И вотъ всѣ принялись наперерывъ звать его къ себѣ, стараясь расхвалить свой домъ и семью. Наконецъ Леминкайнень пришелъ въ одинъ домъ, и когда стали его угощать, онъ только рукой

махнулъ, и на столѣ явилось множество золотыхъ блюдъ съ вкусными кушаньями, а по краямъ чинно разставились кружки съ пѣнистымъ медомъ и съ крѣпкимъ пивомъ. И долго пилъ онъ въ томъ домѣ, и веселился, и другихъ веселилъ своими чудными пѣснями.

На другой день пошелъ Леминкайнень по острову и сталъ заходить въ каждую деревню, сталъ заглядывать въ каждый домъ — и всѣ удивлялись его пѣснямъ и ихъ могучей таинственной силѣ. И всюду его принимали съ восторгомъ, всюду ласкали его; всѣ звали его раздѣлять съ собою пиры и забавы, участвовать вмѣстѣ въ веселыхъ празднествахъ. Незамѣтно мчалось время для беззаботнаго Леминкайнена; повидимому ему все улыбалось — онъ нравился женщинамъ, мужчины его уважали и боялись — но не замѣчалъ онъ, какъ тихо, словно змѣя, закрадывалась зависть въ сердца всѣхъ окружавшихъ его и грозила ему гибелью.

Вотъ идетъ онъ однажды ночью черезъ какую то деревню и видитъ, что во всѣхъ окнахъ горятъ огоньки, а около каждаго огонька сидитъ трое мужчинъ и точатъ мечи, приговаривая: «мы точимъ мечи на Леминкайнена, на чужеземца, который сталъ выше всѣхъ насъ своими могучими пѣснями! Заглянулъ Леминкайнень во всѣ окна и вездѣ видѣлъ тоже самое. Невольный страхъ закрался и въ его душу; онъ увидѣлъ ясно, что ему нельзя болѣе оставаться на острову, гдѣ такъ беззаботно и весело проходила его жизнь, что надо было спѣшить на родину. Пошелъ онъ на берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ его челнокъ, но увидѣлъ одни лишь полусгнившіе остатки его. И принялся онъ

быстро за работу и сталъ искусною рукою вырубать себѣ новое судно. Подъ утро судно уже было готово, и первые лучи солнца опять застали его на морѣ — онъ мчался на родину, и попутные вѣтры широко раздували его парусъ, а пѣнистыя волны тихо и мѣрно, словно лаская, колыхали его челнокъ. А самъ Леминкайнень горько оплакивалъ разлуку съ друзьями и милыми, которыхъ покидалъ на всегда, плакалъ, пока еще видень былъ вдали островъ, пока высокія горы его не погрузились въ волны.

Долго ѣхалъ Леминкайнень, не скоро увидѣлъ онъ берега своей родины! Невеселъ вышелъ онъ и на берегъ. «Что-то ждетъ меня тамъ? Кто-то встрѣтитъ меня?» думалъ онъ, ступивъ ногою на родной песокъ. Приходить на то мѣсто, гдѣ прежде стоялъ домъ его отца, гдѣ жили всѣ его близкіе и родственники, приходитъ и не узнаетъ мѣста. Все какъ будто перемѣнилось: вмѣсто прежняго селенія видитъ онъ обширную площадку, заваленную грудами угольевъ, вмѣсто прежнихъ друзей и родныхъ находить среди развалинъ давно поблѣвшія отъ дождей и снѣговъ кости — видно было, что огонь и мечь опустошили здѣсь все, а бурный осенній вѣтеръ мало по малу стиралъ и разносилъ самые слѣды прежняго жилья на этомъ мѣстѣ. Видитъ Леминкайнень, что тамъ, гдѣ прежде былъ домъ отца его, теперь растетъ осиновая роща, высокія ели стоятъ въ огородѣ, а прозрачный студеный ключъ поросъ частымъ верескомъ. «Я игралъ на этомъ дворѣ, я прыгалъ по этимъ камнямъ, я катался бывало по этимъ лужайкамъ, я жилъ здѣсь съ доброй матушкой моею—

и гдѣ же это все теперь?» И горько зарыдалъ сирота; не домовъ было жаль ему, не широкихъ дворовъ, не мягкихъ лужаекъ — жаль ему было доброй матушки! Плакалъ онъ день, плакалъ другой, на третій день всталъ мрачнѣе ночи; глаза его пылали, какъ огонь, и лицо его было страшно — видно было, что въ немъ проснулся прежній мужественный духъ и заговорило прежнее желаніе мстить обидой за обиду. «Пойду я туда, въ Пойолу, гдѣ живутъ безжалостные враги мои; пойду ли туда одинъ или съ толпою смѣлыхъ товарищей, все равно — не вернусь на родину прежде, чѣмъ не расплачусь съ ними до чиста!» И пошелъ онъ быстрыми шагами по берегу моря, позабывъ и слово, данное матери передъ разлукой, и опасности, ожидавшія его на пути въ Пойолу.

Долго ли, коротко ли шелъ онъ по берегу, а только сильно проголодался. Сталъ онъ глядѣть кругомъ себя, полагая, что найдетъ чѣмъ утолить свой голодъ, взглянулъ на море и видитъ вдали чернѣется на немъ какое-то большое судно; всматривается Леминкайнень и видитъ, что много сидитъ на томъ суднѣ народу, что на рулѣ стоитъ высокій старикъ, съ густою сѣдой бородой, а впереди всѣхъ гребцовъ сидитъ широкоплечій, красивый мужчина среднихъ лѣтъ, съ ногъ до головы запачканный сажею. И сталъ кричать съ берегу Леминкайнень, сталъ спрашивать, чье идетъ судно и куда направляется. Въ одинъ голосъ отвѣчалъ ему народъ съ судна: «откуда ты самъ и что ты за человекъ, когда не слыхалъ о знаменитомъ суднѣ Калевалы, когда не узнаешь въ нашемъ рулевомъ Вей-

немейнена, а между гребцами Ильмаринена?» — «Не случилось мнѣ ихъ видѣть,» отвѣчалъ почитательно кланяясь Леминкайнень, «а по слухамъ давно ужь объ нихъ знаю. Куда же вы, друзья, путь держите?» — «Мы плывемъ на Сѣверъ, въ дальнюю Пойолу, плывемъ для того, чтобы похитить изъ Пойолы Сампо, которое тамъ спрятано въ мѣдной горѣ. На Сѣверѣ Сампо, и всѣ тамъ живутъ припѣваючи, а мы безъ него въ Калевалѣ съ голоду умираемъ.» — Не возьмете ли вы и меня къ себѣ въ товарищи,» сказалъ обрадованный Леминкайнень, «я вѣдь тоже иду въ Пойолу.» — «Садись, поѣдемъ вмѣстѣ,» скавалъ Вейнемейнень, «мы рады хорошему товарищу.» Подѣхало судно къ берегу, быстро вскочилъ въ него безстрашный Леминкайнень, и опять мудрый пѣвецъ Калевалы направилъ бѣгъ его къ далекимъ берегамъ негостепріимнаго Сѣвера.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ.

Элида, небольшая область на западномъ берегу Пелопонеза, граничила на востокъ съ Ахайей и Аркадіей, на югъ съ Мессеніей, а съ запада и сѣвера была окружена Ионическимъ моремъ. Она сдѣлалась извѣстною въ исторіи Греціи неучастіемъ въ политическихъ событіяхъ этой страны, а играми, которыя праздновались въ Олимпіи въ честь бога Зевеса. Жители этой области мирно занимались земледѣліемъ, и не страшались военныхъ тревогъ, часто нарушавшихъ спокойствіе въ другихъ частяхъ Греціи; отъ нихъ они были защищены покровительствомъ бога Зевеса, и всѣ Греки до того уважали священныя права Элидцевъ, что не вступали съ оружіемъ въ ихъ землю; нарушившіе этотъ обычай наказывались денежною пенею.

Олимпія, лежавшая на правомъ берегу рѣки Алфея, не была собственно городомъ, а соединеніемъ нѣсколь-

кихъ храмовъ и зданій, изъ коихъ каждое имѣло свое назначеніе при празднованіи Олимпійскихъ игръ. Между храмами наиболѣе славился посвященный Зевесу Олимпійскому; въ немъ находилась та знаменитая статуя Зевеса, работы Фидія, которая считалась образцовымъ произведеніемъ греческаго искусства.

Статуя божества, огромныхъ размѣровъ, украшенная золотомъ и слоновою костью, представляла Зевеса сидящимъ на богатомъ тронѣ, украшенномъ также золотомъ и слоновою костью, чернымъ деревомъ, дорогими камнями и живописью. Тронъ былъ утвержденъ на подножій, сдѣланномъ на подобіе горы Олимпа. Зевесъ былъ облеченъ въ золотое одѣяніе; въ правой рукѣ онъ держалъ небольшую статую богини Побѣды, а въ лѣвой скипетръ, на оконечности котораго сидѣлъ орелъ; обувь на ногахъ также была сдѣлана изъ золота; на подножій художникъ начерталъ надпись: я работы Фидія, Аѳинянина, сына Хармида.

Статуя божества, окруженная рѣшеткою превосходной работы, невольно возбуждала удивленіе своего изящною отдѣлкою, цѣнностью матеріала и правильнымъ сочетаніемъ частей. Художникъ съ большимъ искусствомъ выразилъ, въ своемъ произведеніи тѣ черты божественной мудрости и не земнаго величія, которыми древній грекъ рисовалъ въ своемъ воображеніи державнаго властителя неба и земли.

Въ священной оградѣ около храма стояло множество статуй, воздвигнутыхъ въ честь побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ или ими самими, или ихъ сооочественниками. Разказы о жизни и подвигахъ лю-

дей, прославившихся необычайною силою, ходили по всей Греціи, и память о нихъ долго хранилась въ преданіи народномъ. Исторія сохранила имена нѣкоторыхъ силачей, которымъ въ Олимпіи были поставлены статуи. Одна изъ нихъ представляла Клеомеда, который имѣлъ несчастіе на состезаніи убить своего соперника; судьи лишили его за то награды; Клеомедъ отъ огорченія потерялъ рассудокъ; въ припадкѣ безумія онъ ухватился однажды за колону одного дома, и привелъ ее въ столь сильное сотрясеніе, что самое зданіе повалилось, и подъ развалинами его погибли, вмѣстѣ съ Клеомедомъ, находившіеся въ домѣ люди.

Другая статуя возвыгнута была въ честь Феагена, который, какъ говорятъ, на разныхъ играхъ одержалъ 1200 побѣдъ. Послѣ его смерти, на родинѣ его, островѣ Фазосѣ, жители поставили ему статую, которая возбуждала зависть въ прежнемъ соперникѣ Феагена. Онъ каждую ночь приходилъ къ статуѣ и сильными ударами вымѣщалъ на ней свою злобу до тѣхъ поръ, пока статуя не упала и не задавила его. Статуя была представлена въ судъ, и, по приговору судей, сброшена въ море. Когда же на островѣ сдѣлался сильный голодъ, и жители обратились къ оракулу, то получили отъ него отвѣтъ, что боги прогнѣвались на нихъ за оскорбленіе, причиненное ими памяти Феагена; тотчасъ статуя была вытащена изъ воды, и поставлена на прежнемъ мѣстѣ.

Вмѣстѣ со статуями Клеомеда и Феагена стояла и статуя Милона, изъ города Кротона, прославившагося своею необычайною силою; о подвигахъ его ходило

въ Греціи много разказовъ: во время войны Кротоны съ Сибарисомъ онъ начальствовалъ войскомъ кротонскимъ и выступилъ въ сраженіе въ одѣяніи Геркулеса; на плечахъ своихъ онъ принесъ собственную статую, и на Олимпійскихъ играхъ, состязаясь въ бѣганьи, взвалилъ себѣ на плечи быка; сжатый кулакъ его не могли разогнуть самые сильные люди; находясь однажды въ одномъ домѣ съ учениками Пифагора, онъ спасъ ихъ отъ смерти, поддерживавъ потолокъ, готовый обрушиться на нихъ. Милонъ погибъ въ старости отъ излишней самонадѣянности: проходя лѣсомъ, онъ вздумалъ разщемить дерево, но оно прищемило ему такъ сильно руки, что онъ никакъ не могъ освободить ихъ и былъ разорванъ дикими звѣрями.

Основаніе Олимпійскихъ игръ Греки приписывали Геркулесу, а приведеніе въ порядокъ царю Элидскому Ифиту и Спартанскому законодателю Ликургу.

Игры праздновались лѣтомъ; начинались онѣ перваго іюля и продолжались пять дней. Во время празднованія ихъ прекращались военныя дѣйствія, и еслибы непріятель вторженіемъ въ Элиду нарушилъ спокойствіе, то наказывался денежною пенею. Наблюденіе за порядкомъ во время игръ, присужденіе наградъ и предсѣдательство на играхъ принадлежало судьямъ, избравшимся по жребію изъ жителей Элиды.

Когда Элидцы составили правила для игръ, то предварительно отправили ихъ въ Египеть, чтобы узнать объ нихъ мнѣніе мудрецовъ этой земли. Послѣдніе одобрили вообще правила, прусовокупивъ одно

только замѣчаніе, что, по мнѣнію ихъ, упущено самое важное условіе, а именно — чтобы Элидцы, будучи судьями, сами не принимали участія въ состязаніяхъ на играхъ. Не смотря на это замѣчаніе, Элидцы участвовали въ состязаніяхъ, и нѣкоторые изъ нихъ получили даже наградные вѣнки.

Съ приближеніемъ праздника въ Элидѣ толпы зрителей и участниковъ въ играхъ собирались въ Олимпію со всѣхъ концовъ Греціи и ея колоній; городъ и его окрестности представляли самую оживленную картину; только свободные Греки имѣли право присутствовать и участвовать на играхъ; потерявшіе право гражданства, нарушившіе религіозные уставы и святотатцы не допускались на игры, равно какъ и женщины, за исключеніемъ жрицы богини Деметры, которая имѣла мѣсто на играхъ.

Празднество начиналось съ вечера жертвоприношеніями и продолжалось до полуночи съ большимъ торжествомъ, при звукахъ музыки и огромномъ стеченіи народа.

Въ полночь всѣ спѣшили занять мѣста, чтобы лучше увидѣть состязанія, которыя начинались съ зарею.

Поприще, назначенное для Олимпійскихъ состязаній, раздѣлялось на двѣ части — Стадій и Гипподромъ.

Стадій было ровное мѣсто длиною въ 630 англійскихъ футовъ; на одномъ концѣ его возвышался престолъ и мраморный жертвенникъ; на престолѣ сидѣли судьи игръ, а жертвенникъ былъ занятъ жрицею боги-

ни Деметры. Стадій служилъ мѣстомъ для тѣлесныхъ состязаній, которыя происходили въ пяти видахъ— бѣганьи, скачкахъ, борьбѣ, метаньи диска и копья и въ кулачномъ боѣ.

Бойцы, вступавшіе въ состязанія, назывались у грековъ атлетами. Они приготовлялись къ нимъ тѣлесными упражненіями, чтобы укрѣпить физическія силы, приобрести ловкость и проворство, необходимыя въ подобнаго рода состязаніяхъ; упражненія происходили въ учрежденныхъ съ этою цѣлію заведеніяхъ, извѣстныхъ у Грековъ подъ именемъ Гимназій.

Каждый атлетъ, вступая въ состязаніе, предъ лицомъ судей давалъ клятву не прибѣгать ни къ какой хитрости и вести состязаніе по установленнымъ правиламъ; родственники и учителя его въ гимнастическомъ искусствѣ подтверждали клятву; за тѣмъ атлетъ снималъ съ себя все одѣяніе, надѣвалъ на ноги родъ полусапожекъ и намазывалъ свое тѣло масломъ; вмѣстѣ съ другими атлетами онъ становился въ линію, въ порядкѣ, опредѣленномъ по жребію. Глашатай объявлялъ имена атлетовъ, прибавляя къ нимъ названія ихъ родины; если имя атлета было извѣстно прежде одержанными побѣдами, то зрители принимали его рукоплесканіями. Объявивъ имена атлетовъ глашатай обращался къ присутствовавшимъ съ вопросомъ, не можетъ ли кто изъ нихъ доказать, что одинъ изъ атлетовъ носилъ оковы или велъ жизнь порочную; если присутствовашіе отвѣчали молчаніемъ, то звукомъ трубы давали знакъ, что атлеты могутъ приступить къ со-

стызанію. Оно начиналось бѣгомъ, который почитался самымъ древнимъ на Олимпійскихъ играхъ. Состязавшіеся въ бѣганы пробѣгали стадій одинъ разъ, другіе два, а нѣкоторые даже до шести и двѣнадцати разъ. Опередившіи своихъ соперниковъ получали въ награду пальмовую вѣтвь, служившую ему предвѣстіемъ той награды, которая ожидала его въ послѣдній день игръ, назначенный для увѣнчанія побѣдителей. Полученіе пальмовой вѣтви было для побѣдителей началомъ торжества; присутствовавшіе рукоплескали ему; родственники и друзья поздравляли его съ побѣдою и несли на плечахъ среди зрителей, которые осыпали его цвѣтами.

Второй видъ состязаній составляла скачка. Соперники старались превзойти другъ друга, дѣлая быстрые скачки впередъ; они держали въ рукахъ тяжелые куски свинца, съ просверленными скважинами, чрезъ которыя проходили ихъ пальцы, какъ бы сквозь рукоять щита. Состязаніе этого рода провходило подъ звуйки флейты.

Борьба требовала отъ состязавшихся и крѣпости и проворства; борцы избирались по жребію, и вступали въ состязаніе, намазавъ тѣло свое масломъ, чтобы лучше ускользнуть изъ рукъ соперника; награда назначалась тому изъ борцовъ, который успѣвалъ три раза повергнуть соперника своего на землю.

Состязаніе въ метаньи копья и диска требовало большой крѣпости въ рукахъ; дисками назывались куски металла или камня, обдѣланные въ видѣ чечевицы, т. е. болѣе тяжелые въ срединѣ, чѣмъ по краямъ.

Атлетъ становился на возвышеніи въ стадіи и металлъ дискъ изъ подь-руки такъ, что онъ катился по стадію; изъ состязавшихся тотъ одерживалъ побѣду, котораго дискъ катился далѣе.

Искусство въ метаньи копья состояло въ томъ, чтобы попасть имъ въ цѣль.

Кулачный бой стоялъ послѣднимъ въ ряду состязаній, и не пользовался уваженіемъ у Грековъ. Бой совершался иногда обнаженными кулаками, а иногда ихъ обвивали ремнями, переплетенными во всѣхъ направленіяхъ, такъ что ремни составляли нѣчто въ родѣ рукавицъ. Бой на кулакахъ считался самымъ опаснымъ: атлеты получали тяжелыя раны; многихъ уносили безъ всякихъ признаковъ жизни; законами Спарты запрещалось гражданамъ ея вступать въ этотъ родъ состязаній по причинѣ того упорства, съ которымъ Спартанецъ бился всегда со своимъ соперникомъ; для полученія награды въ кулачномъ боѣ требовалось, чтобы одинъ изъ бойцовъ призналъ себя побѣжденнымъ, условіе несомѣстимое съ самолюбіемъ Грека. Многіе изъ бойцевъ терпѣли тяжелыя увѣчья, скорѣе рисковали своею жизнію, чѣмъ отказывались отъ состязанія.

Кромѣ этихъ простыхъ состязаній были еще и другія, составленныя изъ соединенія нѣсколькихъ видовъ состязаній, такъ панкратіумъ состоялъ изъ борьбы и кулачнаго боя, а пентаэлонъ соединялъ всѣ пять видовъ состязаній.

Гипподромъ или мѣсто, назначенное для состязанія въ верховой ѣздѣ и ристаніи на колесницахъ, было длиннѣе стадіи и такое обширное, что сорокъ колес-

ницъ могли проѣзжать не въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой. Состязанія въ гипподромѣ состояли въ томъ, что всадники верхомъ, а возницы въ колесницахъ старались обогнать другъ друга, проѣхавъ по гипподрому положенное число разъ; участвовать въ нихъ могли только искусные наѣзтники и опытные возницы, привыкшіе управлять лошадьми. Во время ристаній нерѣдко лошади сбивали всадниковъ, колесницы сталкивались и опрокидывались, а выпавшіе изъ нихъ возницы платились увѣчьемъ и даже жизнью. Покупка лошадей, дорого цѣнившихся въ Греціи, и наемъ хорошихъ возницъ сопряжены были съ большими издержками, потому и участвовать въ этого рода состязаніяхъ могли одни богатые люди. Въ числѣ Олимпійскихъ побѣдителей встрѣчаются имена царей Сиракузскихъ Гіерона и Гелона, Архелая, царя Македоніи, и Павзанія, царя Спартанскаго, которые посылали свои колесницы на Олимпійскія игры. Алкивіадъ выставилъ семь колесницъ, изъ которыхъ три получили награды.

Послѣдній день праздника назначенъ былъ для увѣнчанія побѣдителей; раздача наградъ происходила въ священной рощѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ зрителей. Побѣдители входили одѣтые въ праздничное платье съ пальмовыми вѣтвями, при звукахъ торжественной музыки; другіе вѣзжали на колесницахъ или верхомъ на лошадахъ, украшенныхъ цвѣтами. Предъ раздачею наградъ въ честь побѣдителей пѣли гимнъ, сочиненный поэтомъ Архилохомъ; за тѣмъ глашатыи вызы-

валъ по именамъ побѣдителей; каждый изъ нихъ подходилъ къ первому изъ предсѣдателей на играхъ, и получалъ отъ него вѣнокъ, сплетенный изъ дикой маслины; такой вѣнокъ для Грека былъ высшею наградою; соотечественники побѣдителя въ торжествѣ его видѣли славу родного города; въ честь побѣдителей ставили статуи, сочиняли пѣсни, и съ большимъ торжествомъ провожали ихъ отъ одного города до другого. Соотечественники побѣдителя выражали ему свое сочувствіе блестящимъ приемомъ: онъ въѣзжалъ въ родной городъ въ богатой колесницѣ чрезъ проломъ въ стѣнѣ, сдѣланный по случаю торжества. Въ нѣкоторыхъ городахъ побѣдители обезпечивались на всю жизнь содержаніемъ изъ общественной казны или освобождались отъ всякихъ повинностей; въ Спартѣ они награждались правомъ сражаться подлѣ царей, и почти вездѣ на играхъ занимали почетныя мѣста; къ имени ихъ прибавлялось почетное названіе Олимпійскаго. Нѣкоторые изъ побѣдителей, обязанные полученными наградами быстротѣ своихъ лошадей, берегли ихъ въ старости, устраивали имъ почетныя похороны и ставили пирамиды надъ ихъ могилами.

Въ Греціи не было награды выше приобрѣтенной на Олимпійскихъ играхъ. Одинъ Грекъ, по имени Хилонъ, умеръ отъ радости въ объятіяхъ сына, когда узналъ, что тотъ получилъ наградный вѣнокъ; при погребеніи его присутствовали всѣ Греки, находившіеся въ Олимпіи. Другой Грекъ кончилъ свою жизнь подобнымъ же образомъ. Это былъ уроженецъ острова

Родоса, по имени Діагоръ. Онъ прибылъ на Олимпійскія игры въ сопровожденіи двоихъ сыновей; молодые люди привяли участіе въ состязаніи и оба получили наградные вѣнки. Счастливые юноши возложили ихъ на голову престарѣлаго отца, и съ торжествомъ понесли его мимо зрителей. Свидѣтели этой сцены поздравляли старика и осыпали его цвѣтами. Одинъ Спартанецъ, тронутый почтеніемъ сыновей Діагора, сказалъ ему: умри, Діагоръ, потому что тебѣ нечего болѣе желать; Діагоръ не пережилъ своего счастья: онъ умеръ на рукахъ своихъ сыновей.

Иногда торжественные клики въ честь побѣдителя смѣшивались съ шиканьемъ и свистаньемъ, возбужденными завистію соперниковъ его. Несмотря на точный порядокъ въ правилахъ игръ и бдительный надзоръ судей, встрѣчались однако на Олимпійскихъ играхъ примѣры большихъ злоупотребленій: часто побѣдители въ ристаніи на колесницахъ и верховой ѣздѣ скрывали собственныя имена и объявляли вмѣсто нихъ имена своихъ покровителей или лицъ, которымъ хотѣли угодить. Атлетъ, не имѣя возможности замѣнить себя другимъ, могъ посредствомъ денегъ побѣдить своего соперника, который не выказывалъ вполнѣ своихъ силъ и умышленно признавалъ себя побѣжденнымъ; часто атлетъ, удостоенный побѣднаго вѣнка, за деньги объявлялъ себя уроженцемъ того города, которымъ былъ подкупленъ. Царь Сиракузскій Діонисій посылалъ въ Олимпію довѣренныхъ людей, которые деньгами склоняли побѣдителей объявлять себя уроженцами Сиракузъ. Не-

смотря на строгія наказанія противъ продажныхъ побѣдителей — тѣлесное наказаніе, штрафованіе деньгами и лишеніе добраго имени, примѣры злоупотребленій были нерѣдки, тѣмъ болѣе, что и судьи сами не всегда могли устоять противъ подкупа.

Кого изъ зрителей не интересовали тѣлесныя состязанія, тотъ могъ присутствовать на состязаніяхъ литературныхъ и художественныхъ: поэты, художники и ораторы, пользуясь празднествами въ Олимпіи, собирались сюда, чтобы блеснуть своими произведеніями. Одни изъ нихъ читали свои сочиненія, другіе выставляли свои картины; здѣсь, какъ говорятъ, отецъ исторіи Геродотъ читалъ свою исторію Персидскихъ войнъ, и заслужилъ похвалы отъ слушателей.

Время празднованія Олимпійскихъ игръ считалось у Грековъ священнымъ; тогда умолкали междоусобныя распри, прекращались войны и во всей Греціи наступала тишина; съ приближеніемъ торжества, Олимпія и окрестности ея наполнялись толпами посѣтителей. Одни изъ нихъ искали случая выказать свою ловкость и тѣлесную крѣпость, другихъ привлекало желаніе видѣть блескъ и торжество празднества; здѣсь Греки сближались другъ съ другомъ, знакомились между собою и соединялись въ братскомъ союзѣ, какъ члены одной великой семьи.

Олимпійскія игры, праздновавшіяся чрезъ каждые четыре года, послужили началомъ Греческому лѣтосчисленію; промежутокъ времени отъ однихъ Олимпійскихъ игръ до другихъ назывался Олимпіадою, и чи-

сломя Олимпіадъ опредѣлялось время событія. Начало лѣтосчисленія по Олимпіадамъ относится къ 776 году предъ Р. Х., когда въ первый разъ составлены были списки Олимпійскихъ побѣдителей.

ПОДВОДНЫЙ МІРЪ.

(Статья Фр. Кернера).

Море имѣеть свои горы и глубокія пропасти, наполненныя разными наплывшими предметами, обломками кораблей и человѣческими трупами. Тутъ, подлѣ пустыхъ, полуистлѣвшихъ раковинъ, проглядываютъ сквозь известъ и илъ позеленѣвшія пушки и драгоценный ящичекъ съ Перувианскимъ золотомъ, добытымъ со снѣжнаго хребта Андскихъ горъ; тамъ, подлѣ разбитой брони черепахи, истлѣваетъ голый черепъ капитана погибшаго корабля, или рядомъ съ полусъѣденною отъ ржавчины гарпуною мирно покоится моржовый клыкъ; далѣе въ тискахъ Индійскихъ шелковыхъ тканей копышатся тысячи семействъ различныхъ рыбъ, между тѣмъ какъ надъ ними тихо струятся морскія волны, а за ними кишать билліоны ничтожныхъ слизняковъ, исполинскіе киты, алчныя акулы, отъ которыхъ со страхомъ ушлывають тѣснящіяся стаи сельдей. Тутъ

на вычурно взгроможденныхъ утесахъ пѣнится море; тамъ угрюмо скользить оно по широкой бѣлоблестящей Сагарѣ, а тамъ кружится около морскихъ пороелей подводныхъ Монъ-Блана и Монте-Роза, или тихо скользить надъ разсѣлинами глубочайшихъ пропастей, какъ бы боясь спуститься въ эту вѣчную ночь, откуда, какъ злые духи тьмы, глухо завываютъ и страшно бушуютъ замкнутыя воды.

Море есть бездонная могила жизни, гдѣ тлѣютъ милліоны животныхъ труповъ, остатки коихъ образуютъ мели на мили длиною; потому что въ одномъ унцѣ Адриатическаго морскаго песку содержится тысяча раковинъ; въ одномъ унцѣ песка Антильскаго моря— три съ половиною милліона наливочныхъ животныхъ; другія клѣточки наливчатыхъ растеній образуютъ половину песка Пиллаусской и Эльбской гаваней и плотинъ Нѣмецкаго моря.

Море—среда безконечныхъ убійствъ, самыхъ страшныхъ побоищъ, отчизна самыхъ алчныхъ хищныхъ животныхъ. Въ морѣ жизнь безъ радостей, безъ мира, жизнь безпрестанныхъ гоненій и побѣговъ, схватокъ и поглощеній. Безконечная вражда живетъ въ холодныхъ, безчувственныхъ водахъ, потому что безконечная жизнь морскаго міра поддерживается безостановочнымъ разрушеніемъ. Тамъ на ежедневную добычу идутъ подводные львы, тигры и волки, крокодилы и исполинскія змѣи, и умерщвляютъ цѣлыя породы животныхъ; тамъ полипы и медузы разставляютъ свои сѣти неосторожно играющимъ коловраткамъ; тамъ *однимъ* глоткомъ китъ поглощаетъ билліоны слизня-

ковъ; тамъ быстрые орлы и чайки подстерегаютъ морскаго пѣтушка, на пестрыхъ, подобныхъ бабочкинымъ крыльямъ, плавникахъ своихъ выплывшаго подышать воздухомъ; тамъ мечь-рыба и морской котъ преслѣдуютъ слона и единорога Океана; тамъ, наконецъ, тунейдные черви подстерегаютъ праздно плавающего тунца, чтобы впиться въ его жирную кожу. Вездѣ погоня и смерть; но ни воя при борьбѣ, ни малѣйшаго крика при страданіи, ни радостныхъ восклицаній при побѣдахъ. Одною таинственною тишиною сопровождаются эти битвы, и только по временамъ прерываются плескомъ взбитыхъ волнъ и предсмертными судорогами раненыхъ.

И не смотря на это, все-таки море есть стихія жизни для безчисленныхъ животныхъ и растеній. На утесахъ Шпицбергена, на Викторіевой землѣ южнаго полюса, гдѣ не разстилается ни малѣйшаго мха, куда даже бѣлый медвѣдь не заходитъ за добычей, тамъ произрастаетъ исполинская ягодная поросль, тамъ на цѣлыя мили пространства копышатся ипфузоріи. На полторы мили въ ширину окрашиваютъ они ультрамариновый цвѣтъ Гренландскаго моря зеленой краской, такъ что 80,000 человекъ, начавъ считать съ самаго мірозданія, не могли бы до нынѣ перечестъ всѣхъ этихъ маленькихъ животныхъ, потому что на пространствѣ 1,400 футовъ кишатъ животныя одно подлѣ другого, между тѣмъ какъ въ другихъ бухтахъ того же моря на широтѣ около десяти градусовъ грозятся темныя медузы, которыхъ 110,592 наполняютъ собою только одинъ кубическій футъ. Недалеко отъ

устья рѣки Таго, большая полоса въ шестьдесятъ милліоновъ квадратныхъ метровъ покрыта красными растеньицами, которыя такъ малы, что они, въ числѣ 40,000 милліоновъ, покрываютъ собою одинъ только квадратный метръ. На вулканѣ южной полярной земли, на Эребѣ, живетъ 58 породъ наливочныхъ растений; море при Уллоа, у береговъ Перу, окрашивается инфузоріями въ темно-шоколадный цвѣтъ, а у Калифорніи въ пурпуровый; при мысѣ же Пиларесъ эти инфузоріи покрываютъ собою пространство отъ $5\frac{1}{4}$ мили въ длину при $1\frac{1}{2}$ мили въ ширину. Микроскопическія клѣточки растений, первоначальныя формы растительной жизни, даютъ цвѣтъ Красному морю, и при Багіи образуютъ длинныя кустообразныя мели.

Капитанъ Россъ, опуская свой лотъ въ Сѣверный полярный Океанъ, на 6,000 футовъ глубины, нашелъ и тамъ еще живыхъ инфузорій, которыя, вѣроятно, простираются и на 12,000 футовую глубину, и, слѣдовательно, должны выдерживать давленіе 50 атмосферъ. Эти животныя пользуются большими морскими теченіями, чтобы плыть отъ полюса до экватора и далѣе до противоположнаго полюса, такъ что китъ, гоняясь за своею добычею, долженъ употреблять быстроту паровоза, чтобы преслѣдовать медузъ отъ Ледовитаго моря до Антильскаго. Не странно ли, что этотъ морской исполинъ преслѣдуетъ едва видимыхъ, живыхъ слизняковъ!

Но если хотимъ взглянуть на неизмѣримость творенія въ мельчайшихъ размѣрахъ, то мы должны пройти сперва по равнинамъ твердой земли, и взойти на

горы, которыя покрывало первобытное море, и которыя образовались частію изъ ископаемыхъ острововъ морскихъ животныхъ и растений. Въ Турени, во Франціи, девять квадратныхъ миль мергеля состоятъ изъ раковинъ; Парижъ и многіе города Франціи построены на крупномъ известнякѣ, котораго каждый квадратный дюймъ содержитъ 58,000 животныхъ; десятая часть мѣловой земли острова Уайта, шестая часть Шампаньи, четвертая часть Меадона состоятъ изъ нихъ же; а нѣкоторыя мѣловыя земли заключаютъ въ каждомъ кубическомъ дюймѣ миллионъ особей. Наливчатыя растенія первобытнаго моря образуютъ девять десятыхъ частей кремнезема, находятся въ самомъ кремнѣ, составляютъ значительную часть песка Люнебургской степи, Берлинской почвы, и образовали полировальный сланецъ, пласты котораго имѣютъ у Билина, въ Богеміи, 14 футовъ, въ Виргиніи 29 футовъ толщины, а въ двухъ кубическихъ футахъ сланца содержится 140 билліоновъ этихъ животныхъ. Правда, плодовитость ихъ такъ сильна, что одна особь въ одинъ день можетъ размножиться до миллиона, а въ четыре дня до 140 билліоновъ. На островѣ Барбадосѣ возвышается гора наливочныхъ животныхъ въ 1,000 футовъ вышины, и Фаульгорнъ, въ Швейцаріи, также состоитъ изъ ихъ же остатковъ.

Чтобы осязательнѣе оцѣнить исполинскія отношенія морскаго міра, должны ли мы еще упоминать здѣсь о стофутовыхъ видахъ китовъ, о тысячафунтовыхъ черепахахъ, о моржахъ, тюленяхъ, которыхъ ежегодно на утесахъ острововъ одного только Южно-

полярнаго Океана истребляется болѣе милліона; объ альбатросахъ съ крыльями въ 15 футовъ размаха; о милліонахъ морскихъ птицъ, пометъ которыхъ (гуано) составляетъ предметъ торговли? Или не напомнить ли читателю, какъ необыкновенно должны быть нѣжны мускулы, нервы и устройство членовъ, органы питанія и размноженія, кровеносные сосуды тѣхъ маленькихъ животныхъ, которыя величиною не больше булавочной головки или горошины? Чудесно все, на что ни взглянешь! Поразительно впечатлѣніе этой полноты жизни! Какъ великъ долженъ быть Тотъ, Кто все это придумалъ и сотворилъ!

Море имѣетъ не только свои горы и долины, свои высокія и низкія равнины, свои болотныя зыби и песчаныя степи, свои источники и рѣки, но и свои первобытные лѣса съ ихъ роскошью красокъ и міромъ животныхъ, съ цвѣточными садами и огромными лугами, на которыхъ пасутся стада травоядныхъ. Море имѣетъ свои ландшафты, и эти ландшафты пышнѣе и волшебнѣе всего, что ни есть на землѣ.

Правда, на дикой почвѣ моря произрастаетъ одна форма растеній, поросли изъ породы альгъ; но эти поросли такого разнообразнаго вида, такъ великолѣпно окрашены, такъ многочисленны, такъ неизмѣримо длинны, что могли бы превратить глубь морскую въ баснословные, волшебные сады.

Поросли, начинаясь съ самыхъ мелкихъ моховидныхъ формъ, превосходятъ вышиною гордыя сосны, магноліи и хлѣбное дерево обезьянъ, ибо многія изъ нихъ достигаютъ 700 и даже 1,500 футовъ. Между

тѣмъ, какъ пышный, золотисто-красный коралловый мохъ и темный, длинный питчатникъ представляютъ въ миловидной миниатюрѣ безконечно вѣтвистое дерево, а пурпурно-красный Исландскій мохъ разстилается листомъ въ видѣ лоскутка въ дюймъ шириною, другіе виды, подобно пальмамъ, украшены колыхающимися метловидными листьями. И какъ на твердой землѣ листья и вѣтви лѣсовъ колышатся и качаются на эластическихъ волнахъ воздуха или, со стономъ, борются съ вихремъ: такъ колыхаются и качаются саженные листья порослей на сѣдыхъ волнахъ моря, и вступаютъ въ борьбу съ ураганомъ, который суровою рукою хотѣлъ бы вырвать ихъ со дна морского. То тамъ, то сямъ онъ успѣваетъ въ этѣмъ, и тогда онъ влачитъ ихъ полосами во многія мили длиною и въ сотни футовъ шириною прямо къ берегамъ, гдѣ эти поросли служатъ защитою сокрушеннымъ кораблямъ, и многимъ спасаютъ жизнь.

Какъ растенія земныя мѣняются въ своихъ родахъ сообразно съ географическою широтою или съ высокою ихъ мѣстопребыванія, такъ и не всякаго рода поросли растутъ повсюду, но каждый родъ имѣетъ свои опредѣленные области. Поросли, своими персто и когтеобразными корнями такъ крѣпко прицѣпляются къ скалистой почвѣ, что, когда бушующія волны влекутъ ихъ за ихъ верхушки, они вырываютъ цѣлые обломки утесовъ и увлекаютъ ихъ съ собою, подобно якорю. Онѣ вообще любятъ близость береговъ, или, по крайней мѣрѣ, твердую почву, и углубляются только сажень на сорокъ. Поросли, растущія на большой глу-

бинѣ, похожи на поросли высшихъ широтъ; кромѣ этого, роды мѣняются сообразно съ тѣмъ, находятся ли они въ высшихъ или въ низшихъ слояхъ воды. Онѣ водятся во всѣхъ моряхъ, но самыя исполинскія изъ нихъ растутъ въ полярныхъ моряхъ, и преимущественно въ Южномъ. Такими порослями покрываются огромныя плоскости, похожія на безграничныя луга. Величайшая изъ нихъ, — Саргасское море, находится между Азорскими и Антильскими островами; оно въ шесть разъ больше Германіи, такъ что Колумбъ употребилъ 14 дней, чтобы переплыть черезъ него. Другіе подобныя пловучіе острова леденно тянутся по Нѣмецкому морю, гдѣ образуютъ мели отъ 3 до 4 миль. Около Кергуела, острова на Южномъ полярномъ Океанѣ, разостлались морскія поросли футовъ на 90 въ ширину, на разстояніи 20 футовъ отъ земли, такъ что кораблямъ почти невозможно приставать къ берегу.

Разсматриваемыя отдѣльно, морскія поросли суть растенія самыхъ роскошныхъ причудливыхъ развѣтлений. Онѣ состоятъ изъ студенистаго вещества, покрытаго кожевидною оболочкою, и, то пускаютъ съ обѣихъ сторонъ неправильныя, голыя, шишковатыя сучья, то имѣютъ на концахъ вѣтвей настоящіе листья. Стволъ тонокъ и засыхаетъ, между тѣмъ какъ самое растеніе продолжаетъ распространяться до безконечности. Цвѣтистая поросль кустообразна, сучковата, крѣпко держится въ почвѣ, имѣетъ хрящеобразную твердость и ярко красный цвѣтъ. Она любитъ теплыя моря. Неподалеку отъ Ирландіи растетъ красноватая каррагена

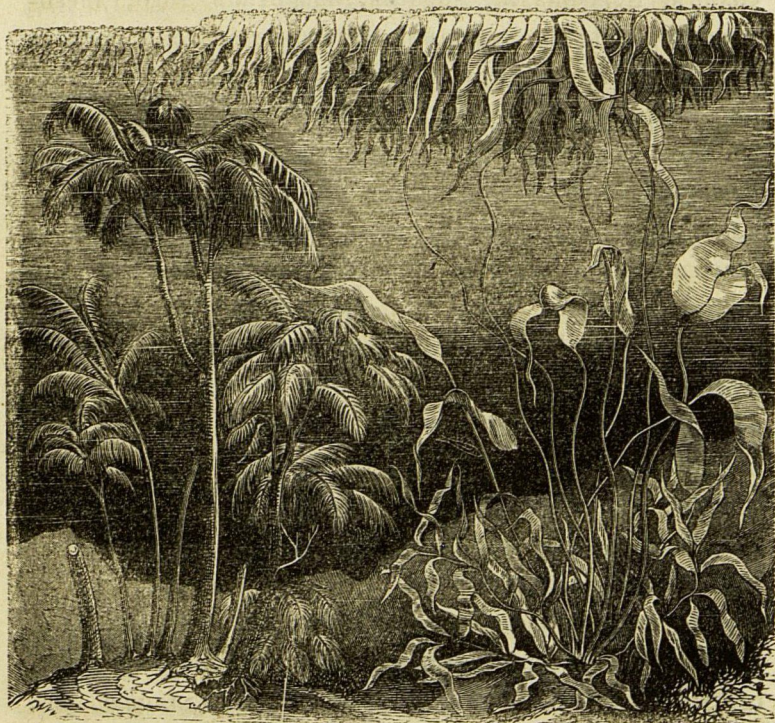

съ прорѣзанными и кудрявыми листьями, употребляемая, какъ извѣстно, въ лѣкарство отъ грудныхъ болѣзней. Изъ подобнаго же рода порослей Индѣйскаго моря выють тамошнія морскія птицы извѣстныя ласточкины гнѣзда. Ременная или Сахарная поросль Нѣмецкаго моря въ ладонь шириною, въ линію толщиною и въ сажень длиною. Изъ нея приготовляютъ сахаръ. Кожаная же поросль, напротивъ того, древообразна, цвѣта темнаго или оливко-зеленаго и растетъ въ холодныхъ моряхъ. Пузыристая поросль, раздвоенная, какъ вилы, бываетъ въ 1000 футовъ длиною, а на среднихъ жилкахъ листьевъ находятся воздушные пузыри, облегчающіе плаваніе. Наконецъ, Ягодная поросль имѣетъ ланцетобразные листья, и между ними шаровидные пузырьные. Большая часть крупныхъ порослей увѣнчана, какъ пальмы, листовенной короной, съ такимъ же на концахъ вѣтвей пучкомъ, висящимъ, какъ длинная метла; иногда онъ похожъ на кнутъ или шнурокъ, иногда имѣетъ видъ листьевъ съ длинными, лоскутообразными раздѣленіями; порою же стоять, на веревковидномъ стеблѣ, широкій ремнеобразный лоскутъ, или грушевидная головка поросли увѣнчана саженными листьями.

По величинѣ своей отличаются два рода порослей Южнаго Полярнаго океана. Пузыристая поросль (*Mascocystis rugifera*), часто въ 1000 футовъ длиною, растетъ тамъ, гдѣ вода почти на точкѣ замерзанія, имѣетъ оливково-зеленый, или кармазинно-красный, или ярко-фіолетовый цвѣтъ, и попадаетъ отдѣльными полосами даже до 45° сѣверной широты. Листья ея длинны и

разнообразны. Ленточная поросль (*Laminaria radiata*) растет на Югѣ отъ Мыса Доброй Надежды и имѣетъ перстовидные листья. Кромѣ того, у острововъ Фалкландскихъ находится еще лессонія (*Lessonia*), похожая на яблонь (см: Рис. 1). Она приноситъ плоды;

Рис. 1.

Подводная растительность у береговъ Фалкландскихъ острововъ.
Формы Лессонии и Макроциста.

стволь ея перпендикулярень, отъ 5 до 10 футовъ длиною и до 6 дюймовъ толщиною, вѣтви вилообразны, а листья травовидны. Она прицѣпляется къ скаламъ корнями, и наклоняетъ длинныя листья свои въ воду, какъ ива. Другія поросли вырастаютъ косвенно изъ почвы, и разстилаютъ длинныя 300 футовыя вѣтви свои на поверхности моря. Деревовидная *d'Urvillea* у Фалкландскихъ острововъ достигаетъ отъ 12 до 14 футовъ длины, а Гелголандская *Laminaria digitata* имѣетъ перстовидныя корни, толстый, высокій стволъ и, какъ пальмы, темно-зеленую корону, между тѣмъ какъ *Porphyra purpurea* пурпурно-краснаго цвѣта.

Кромѣ этихъ порослей растутъ еще въ морѣ морскіе латуки или капуста съ кудрявыми, пурпурно-красными листьями; комковатыя, дырчатыя, величиною съ кулакъ, морскія губки; развѣтвленныя, на подобіе мутовки, трубчатая альги съ красноватыми пузырями, наполненными подвижными витями и т. д.

Эти растенія, слѣтаясь между собою, пестрыми, разнообразными и перепутанными вѣтвями образуютъ цѣлыя подводныя лѣса; тутъ представляютъ они бесѣдки и ходы, тамъ непроходимую чашу, здѣсь открытый свободный лугъ, испещренный маленькими морскими растеніями. Тамъ различныя формы растеній переливаются и блестятъ пестрыми красками, и при малѣйшей волнѣ, подергивающей рябь, измѣняютъ игру цвѣтовъ. Роскошно стоятъ поросли, переливаясь въ отраженіи свѣта, то въ свѣтлую, то въ темную зелень, то въ пышно-красный и желтый цвѣта, въ тысячи различныхъ видахъ, то, прильнувъ ко дну, то гордо подни-

мая кудрявыя головы свои, опущенныя зеленью, то разстилая по водамъ свои длинныя метлы, послушно слѣдуютъ за волнами. Милліоны морскихъ животныхъ, самыхъ разнообразныхъ, питаются этою растительною массою, которая также скоро исчезаетъ, какъ быстро растетъ. И поэтому фантастическому переливу цвѣтовъ проносятся пестрыя раковины и двуличневая рыбки; по стеблямъ медленно ползутъ слизняки; 20 футовые сѣдовласые моржи гложатъ своими крѣпкими зубами деревья, которыми питаются еще: исполинскій дюгонгъ, баснословная сирена, такая же длинная, неуклюжая морская корова, еще длиннѣйшій коровнякъ, съ своею сморщенной кожею, похожею на дубовую кору, странствующая тридцати-футовая акула, густовласый тюлень и тяжеловѣсная черепаха (Рис 2). Смотрите, какъ эти исполинскія морскія коровы отгоняютъ другъ друга съ лучшихъ пажитей; какъ тюлень, завидя моржа, предается бѣгству; какъ сильно коровнякъ потрясаетъ вѣтви, чтобы прильнувшія къ нему слизняки свалились внизъ! Вотъ, при сумрачной прохладѣ, въ пріятномъ спокойствіи пасутся стада; къ нимъ подкрадывается голодная акула; стекловидные глаза ея, подобные глазамъ совы, свѣтятся желтоватымъ блескомъ и ищутъ добычи. Едва замѣтивъ ее, тюлень спасается въ чащу порослей. Въ одно мгновеніе сцена измѣняется. Раковина закрывается и бросается въ глубь; черепаха прячется въ свою твердую оболочку и быстро опускается на дно; играющія рыбки исчезаютъ подъ вѣтвями пузырчатыхъ порослей, раки проползаютъ подъ ихъ корни; но молодой моржъ оборачиваетъ къ опас-

Рис. 2.

ному врагу свои острые клыки. Акула же старается напасть на него съ безоружной стороны. Начинается бой; все далѣе углубляется онъ въ лѣсъ порослей, въ вѣтвистыхъ сѣтяхъ котораго бойцы запутываются то тамъ, то сямъ своими плавниками до тѣхъ поръ, пока

болѣ ловкой акулѣ удастся разорвать противнику своему бокъ, послѣ чего побѣжденный, въ предсмертной тоскѣ, ищетъ спастись бѣгствомъ въ лѣсу, окончательно запутывается въ немъ, и поражается здѣсь своимъ побѣдителемъ.

Къ этимъ лѣсистымъ порослямъ должны мы присоединить цвѣточные сады коралловыхъ растений. Если въ пестрой, разнообразной скорлупѣ раковины заключается животная жизнь слизняковъ, такъ что костистый снарядъ остается извнѣ, а тѣло болѣе или менѣе можетъ отдѣляться отъ него, то коралловое произрастеніе есть чувственная жизнь животнаго, цвѣтообразно возникающая изъ известковаго камня. Изъ каменистаго дерева произрастаютъ чувствительныя щупальцы полипа; онъ питается, размножается, каменѣетъ, превращая свое жилище въ каменную для себя могилу, надъ которою вновь вырастающія породы устроятъ для себя каменное жилище.

Такъ произрастаетъ разнообразное, вѣтвистое коралловое дерево, и между тѣмъ какъ растенія верхняго міра приносятъ листья и цвѣтъ, тутъ въ пестрыхъ цвѣтахъ и въ фосфорномъ блескѣ зарождается на камнѣ живое, чувствительное животное. Не мнится ли, что древнее море какъ будто бы видѣло во снѣ эту цвѣточную жизнь солнечнаго міра во всей щеголеватости красокъ, и изъ своихъ камней вздумало подражать его растительности, или какъ бы предчувствуя заранѣе эту животную и растительную жизнь, оно въ морскихъ пропастяхъ захотѣло изобразить ее изъ своихъ камней. Какъ сновидѣніе является животный по-

липъ въ камнѣ, и какъ сновидѣніе снова превращает-
ся въ камень.

Коралловые деревья суть цвѣтистыя растенія мор-
скихъ садовъ, блестящею пестротою своихъ красокъ
далеко превосходящія цвѣты надземнаго міра, и ког-
да свѣтила небесныя потухаютъ надъ земнымъ міромъ,
когда земля облекается въ однообразную темноту, тог-
да сады глубины морской горятъ волшебнымъ блес-
комъ; подъ зеркальною поверхностію водъ, изобиль-
ными, безчисленными струями сыплются искры и огни.
И чего не могло произвести ни одно дерево земли,
то легко совершаетъ животно-цвѣтистое дерево моря:
оно странствуетъ, по произволу, по волшебнымъ гря-
дамъ водянаго міра; потому что нѣкоторые полипни-
ки суть странствующія растенія, имѣющія способ-
ность съ своими известковыми комьями отдѣляться
отъ дна, въ которое такъ крѣпко всосались, и пе-
реходить далѣе. Да, чего ни одно дерево надземнаго
міра не въ состояніи исполнить, то совершаетъ ни-
чтожный полипъ едва-ли съ горошину величиною;
онъ строитъ въ своихъ коралловыхъ рифахъ и корал-
ловыхъ островахъ большія, могучія укрѣпленія, вы-
сокіе замки, которые предлагаютъ человѣку госте-
пріимную отчизну, и на которыхъ гибкая кокосовая
пальма колышетъ по волѣ вѣтра свою листовную ко-
рону. Съ какимъ трудомъ строитъ человѣкъ свои бе-
реговья плотины отъ напора морскихъ волнъ, съ ка-
кимъ трескомъ стучатъ притомъ его могучія паровыя
машины! Между тѣмъ какъ ничтожные полипники,
безшумно, но постоянно ведутъ вѣчную борьбу съ на-

пирающими бурными волнами, они строятъ изъ вѣковъ въ вѣка свои плотины; в вотъ, огромныя озера замыкають ихъ стѣны отъ моря, такъ что среди неизмѣримаго Индѣйскаго Океана находятся сотни такихъ морей. Таково могущество малыхъ существъ!

Очаровательно расположены Малдивскіе коралловые острова. Кокосово-зеленое коралловое кольцо окружаетъ спокойно сверкающее море съ его ложемъ изъ бѣлаго песку, которое, при вертикальномъ освѣщеніи, отливається живою зеленою краской, между тѣмъ какъ съ наружной стороны темныя волны Океана бѣлою пѣною разбиваются объ утесы, а сверху смотрится въ него голубая высь, блеститъ и сверкаетъ на безконечную даль зеркальнаго моря, на которомъ то вынырнетъ, то вдругъ исчезнетъ бѣлый парусъ. У острововъ Южнаго Океана коралловые рифы съ ихъ пальмами окружають часто на цѣлыя мили пространства какой нибудь горный островъ, у подошвы котораго роскошно разрастается тропическій древесный міръ. Съ внутренней стороны вало-подобнаго рифа вода стоитъ какъ будто неподвижно, и спокойно грѣется при блескѣ тропическаго солнца. Съ наружной же стороны бушуетъ сокрушительная борьба, день и ночь, изъ года въ годъ; разъяренныя, пѣнистыя волны напаваютъ на рифы, стараясь прорвать ихъ. Эта волнораздирающая мель находится частію очень близко отъ горнаго острова; она то окружаетъ его на разстояніи пяти или десяти миль, то громоздится надъ низкимъ островомъ, въ видѣ высокаго каменнаго вала. Такъ полиппики на островѣ своемъ спасаютъ человѣка отъ

погибели въ разрушительныхъ волнахъ; полипъ мужественно и всегда побѣдоносно борется съ неизмѣримымъ Океаномъ! И если бы всѣ народы земные соединили свои силы, то не могли бы устроить въ Океанѣ и самой малѣйшей коралловой мели, между тѣмъ какъ коралль строить часть земной коры.

Но что же это за могучіе полипы, эти строители острововъ? Это маленькія студенистыя животныя, величиною съ булавочную головку, имѣющія ротъ, кишечный каналъ, и вокругъ рта болѣе или менѣе щупальцевъ, корыми ловятъ добычу. Каждое щупальце снабжено большимъ количествомъ стрекочущихъ органовъ. Такъ какъ полипъ имѣетъ много щупальцевъ, и на каждомъ изъ нихъ очень много подобныхъ орудій, то мы и должны представлять его себѣ какъ хищное животное, которое ловитъ добычу свою сотнями мелкихъ удочекъ. Морская кожура (*Flustra*) имѣетъ столько маленькихъ клѣточекъ, что ихъ 1,800 покрываютъ только одинъ квадратный дюймъ. Каждый полипъ имѣетъ 20 круглыхъ щупальцевъ, покрытыхъ съ каждой стороны 50-ю рѣсницами. Итакъ, на каждый квадратный дюймъ приходится 3,600 щупальцевъ и 180,000 рѣсницъ. Отдѣльно живущій полипъ имѣетъ кожаную или рогообразную ногу, которою онъ крѣпко прилѣпляется къ почвѣ, и, большею частію, во всю жизнь свою, остается на одномъ и томъ же мѣстѣ. Полиповидные слизняки, у которыхъ нѣтъ этой ноги, и которые свободно плаваютъ, называются медузами; ихъ можно вообразить себѣ пловучимъ мозгомъ съ висящими внизъ нервными волокнами. Они имѣютъ видъ

грибной шляпки, окруженной безчисленными, висячими, нитеобразными щупальцами, и часто бывают съ кулакъ величиною. Такъ какъ прикосновеніе къ ихъ щупальцамъ производитъ одинаковое ощущеніе съ обожженіемъ крапивой, то ихъ и называютъ также морской крапивой. Они имѣютъ сильный фосфорическій блескъ, и являются часто цѣлыми милліонами вмѣстѣ.

Полипы, большею частію, живутъ большими обществами; но каждый изъ нихъ имѣетъ свою особенную клѣточку, хотя и соединяется съ главнымъ стволомъ посредствомъ канала, и живетъ съ своими братьями общею жизнію, какъ коммунистъ, ибо, чѣмъ пользуется одинъ изъ нихъ, то питаетъ въ то же время и всѣхъ другихъ. Эти клѣточки или стоятъ въ видѣ трубочекъ отвѣсно другъ подлѣ друга, или, сжатые въ кучу, выходятъ съ боку изъ вѣтвей, или, какъ цвѣтъ на миндальномъ деревѣ, растутъ то тамъ, то сямъ по вѣтвямъ, или образуютъ на всемъ стволѣ слизистую кожу. Эти полипы размножаются или отводками или почками. По мѣрѣ того, какъ умирающіе полипы каменѣютъ, дерево увеличивается въ объемѣ, и легко можно представить себѣ множество такихъ полипыхъ произрастеній въ видѣ безлистныхъ кустовъ или низкихъ деревьевъ краснаго, зеленаго, желтаго и чернаго цвѣта.

Органвый кораллъ Индѣйскаго океана состоитъ изъ красныхъ, перпендикулярныхъ трубокъ, соединенныхъ поперечными перегородками, и приноситъ зеленый цвѣтъ, между тѣмъ какъ темная горгонія Средиземнаго моря имѣетъ бѣлый цвѣтъ съ красными кра-

Подводный лѣсъ въ Сѣверномъ морѣ.

пивками, а красная; толщиною въ руку, мелитера — желтые полипы. Пловучая пернатка похожа на гусиное перо, и стволь ея состоитъ изъ красныхъ, фосфорно-свѣтящихся полиповъ; пробковидная морская губка, величиною съ аршинъ, скрываетъ въ своихъ скважинахъ голубыхъ полиповъ. Морская ель имѣетъ на оконечностяхъ вѣтвей своихъ пестрые полипные колокольчики, а маленькая странствующая морская актинія, своими широкими снаружи лежащими листовными щупальцами, походить на кактусъ.

Полипы растутъ до извѣстной глубины; иныя углубляются до 1,000 футовъ, другіе до 500, а другіе только до 20 и до 50 футовъ. Полипъ, строящій рифы, долженъ всегда держаться на опредѣленномъ разстояніи отъ поверхности моря, иначе онъ тотчасъ умираетъ. Вышина коралловыхъ произрастеній весьма различна; иныя бываютъ не выше дюйма, другія въ нѣсколько аршинъ вышины и толщиною съ посредственное грушевое дерево.

Опустимъ еще разъ взоръ свой въ волшебные сады этого подводнаго баснословнаго міра! Желтая поросль обвивается вокругъ ярко-краснаго коралла, чрезъ который переправляется морской ботикъ съ своимъ парусообразно-распущенными щупальцами. Яркость красокъ и оттѣнковъ отъ различнаго преломленія лучей, искристое сверканіе животныхъ и растеній — все это вводитъ насъ въ волшебный міръ съ его хрустальными замками и чудными цвѣтами. Что за чудная жизнь въ этихъ коралловыхъ деревьяхъ, что за ослѣпительное освѣщеніе медузъ по пурпурнымъ вершинамъ паль-

мовыхъ порослей, какая искрометность по голубымъ и оливково-зеленымъ спалерникамъ трубочныхъ альгъ, какъ будто милліоны огненныхъ червячковъ преслѣдуютъ другъ друга! Какое множество рѣдкихъ видовъ раковинъ, раковъ и рыбъ, то въ видѣ комовъ, то въ видѣ свернутыхъ иглистыхъ мячиковъ, то въ видѣ длинныхъ развивающихся лентъ; тутъ круглые, тамъ въ видѣ башенъ съ красиво высѣченными шпицами; тутъ животныя съ длинными клыками, вооруженными зубцами, какъ у пилы, тамъ вдругъ невидимыя отъ мутнаго извергаемаго ими сока; здѣсь опять голые, въ видѣ скалки, съ широкой шишковатою головою, или волосистые и круглоголовые; тутъ вытаращенные стекловидные глаза съ непріятнымъ желтымъ отливомъ; тамъ изъ черныхъ глазъ проглядываетъ почти человѣческой разумъ. Можно по цѣлымъ днямъ смотрѣть въ глубину, и все еще находить предметы для удивленія.

У Ситхинскихъ береговъ дно морское покрыто густымъ первобытнымъ лѣсомъ; растеніе жметя къ растенію, кустъ къ кусту. Дно покрыто ничтожными водяными нитями, красными нитчанками и темнокрасными корепчатыми мхами съ ихъ вилообразными кустами изъ нитей въ дюймъ вышиною, какъ отчетливо вытканный коверъ, по которому бархатистый морской латукъ спокойно разстилаетъ свои кудрявые салатные листья, роскошное пастбище для миролюбивыхъ улитокъ и неуклюжихъ черепахъ. Между ними блестятъ, переливаясь въ розовый и алый цвѣтъ, могучіе листья приди, между тѣмъ какъ по утесамъ тянутся темно-

оливковые кусты порослей, въ числѣ которыхъ, переливаясь нѣжнѣйшими красками, свѣтится пышная нимфея. Въ большихъ кустарникахъ, надъ этими пестрыми кустами, возвышаются морскія лиліи и талассіофилы, которыя, отливаясь желтымъ, зеленымъ и краснымъ цвѣтами, то распускаются въ видѣ исполинскихъ опахалъ, то качаются въ водѣ въ видѣ листьевъ въ нѣсколько футовъ длиною, чудесно просверленныхъ, какъ сѣть. Похожія на деревья, тридцати-футовыя ламинаріи, въ видѣ широкихъ лентъ, углубляются въ волны, и мѣняются съ кустовидно-переплетенными макроцистами, приносящими, вмѣсто плодовъ, пузыри, величиною съ грушу. Подлѣ нихъ разстилаются своими длинными стеблями аларіи, стволъ которыхъ, обвитый листовнымъ кустомъ въ видѣ манжетъ, тянется вверхъ испанскимъ пятидесяти-футовымъ листомъ. Но деревья морского лѣса поднимаются еще выше, ибо нереопиты достигаютъ семидесяти-футовой вышины, начинаясь съ кораллоvidaго корня, изъ котораго вырастаетъ тонкій какъ нить стебель, все болѣе и болѣе толстѣющій до тѣхъ поръ, пока, принявъ форму дубины, раздувается огромнымъ пузыремъ, на которомъ, подобно перьямъ на шлемѣ, качается густой пучекъ тонкихъ, пятидесяти-футовыхъ листьевъ. Это пальмы морскія! Весь этотъ лѣсъ быстро вырастаетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, разрастается по дну морскому на далекое пространство, вянетъ и исчезаетъ, чтобы вскорѣ дать новые отпрыски изъ сѣмени.

Между тѣмъ, какъ свѣтло-красные и золотисто-желтые стебли и мхи цѣпляются къ дну морскому,

какъ будто всячіе лучи солнца; между тѣмъ какъ пальмы морскія, какъ бы окруженныя лучами вечерней зари, сверкаютъ зелено-золотистымъ цвѣтомъ: по этимъ лѣсистымъ лугамъ мерцаютъ зубчатыя морскія звѣзды; на стволахъ, какъ окаменѣлыя листья цвѣтовъ, держатся росписныя раковины; въ этомъ волшебномъ мірѣ въ нѣмомъ удивленіи плаваешь неуклюжая поть—рыба; за играющими макрелями или за бирвенами, грызущими поросли, гоняются алчныя акулы, а передъ ними плыветъ проворный лощманъ. Съ вершинъ тихо колыхающихся пальмъ, отдыхая на лучахъ солнца, спокойно смотритъ морская выдра на происходящія вокругъ нея набѣги, схватки и битвы, или опускаетъ задумчивый взоръ на луга подводнаго лѣса, гдѣ мирно пасутся тюлени, моржи и сирены.

Не одни только морскія животныя пасутся, охотятся или отдыхаютъ здѣсь; но и человѣкъ, требуя дани, простираетъ сюда алчную руку свою. Вотъ плыветъ гордый корабль съ своими вымпелами и распущенными парусами! Онъ не гнушается подбирать оторванные поросли, изъ зола которыхъ готовится сода и іодъ, или съ опасностію жизни доставать со дна морского кораллы. Ирландскій рыбакъ подвергаетъ жизнь свою опасности, чтобы похитить у стремнины грузъ каррагены, и продать его аптекарю; между тѣмъ какъ житель Нормандіи перетаскиваетъ на цѣлыя мили пространства приплывшую къ берегу и истлѣвшую поросль для удобренія ею своего поля, а Исландцы и Гренландцы, на бесплодныхъ почти островахъ своихъ, цѣлую зиму со всѣми стадами своими питаются муч-

вистою и сахарною порослью, истертою въ порошокъ и замѣняющею имъ хлѣбъ. Гренландки же румянятся красною мукою пурпуровой поросли.

Взглянемъ же въ заключеніе еще разъ на коралловый лѣсъ острова Цейлона, очаровательную картину котораго представляетъ намъ знаменитый ботаникъ Шлейденъ.

«Здѣсь осуществляется» говоритъ овъ, «сказочное сновидѣніе дѣтской фантазіи. Чудно-вѣтвистые кустарники даютъ живые цвѣты. Густыя массы меандрипъ и астрей образуютъ рѣзкій контрастъ съ листовенной и кубкообразной растительностію экспланарій, съ разнообразно-вѣтвистыми мадрепорами, сучья которыхъ походятъ частію на пальцы, частію на стволы, частію же представляютъ миловидныя развѣтвленія. Колоритъ изъ самаго ярко-зеленаго измѣняется въ темный или желтый, изъ роскошно-пурпурнаго въ блѣдно-красный, до самаго густо-голубого. Свѣтло-красные, желтые и персико-цвѣтные нуллипоры облекаютъ высохшія массы, и сами протканы перловыми ретипорами, похожими на самую нѣжную рѣзьбу изъ слоновой кости. Подлѣ нихъ качаются то желтыя, то лиловыя рѣшетчато-сквозныя опахала горгоній, между тѣмъ какъ песокъ покрытъ странными и чудесными образами морскихъ звѣздъ и ежей.

«Къ самымъ коралловымъ вѣткамъ прилипаютъ, какъ мохъ, листовенные кожуряки и коралловыя перепончатки, между тѣмъ какъ желтые, зеленые и пурпурно-полосатые пателлы, какъ черевичники, прили-

пають къ сучьямъ. Какъ исполинскій кактусъ, блистающій въ самыхъ яркихъ краскахъ, морскія актиніи разстилають по уступамъ скалъ вѣнки свои изъ щупальцевъ, или наряжаютъ ими плоскія гряды. Въ цвѣтахъ коралловыхъ кустовъ играютъ морскія колибри, маленькія рыбки, сверкающія, какъ металлъ, то краснымъ, то голубымъ отливомъ, переходя изъ золотисто-зеленаго въ свѣтло-серебристый цвѣтъ. Между ними, какъ духи глубины, по этому мерцательно-волшебному міру, тихо колышутся нѣжные молочно-бѣлые или голубоватые колокольчики медузъ.

«Здѣсь фіолетовыя и золотисто-зеленыя изабеллы, и огнисто-желтыя, черныя и ярко-красно-полосатыя кокетки преслѣдуютъ другъ друга; тамъ, какъ серебристая лента съ розовыми и лазурными отблесками, тянется свозъ кустарникъ пятифутовая рыба-лента; между ними, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, прыгаютъ баснословныя сепіи, которыя также фантастически появляются, какъ и исчезаютъ. Все это измѣняется при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка; каждая зыбь воды порождаетъ новую игру свѣта. Но ночью, какъ блестящія звѣзды, свѣтятся медузы и раки, и зеленоватымъ блескомъ отливаются пернатка, ярко-красная при дневномъ свѣтѣ. Ночью повсюду сверкають лучи то зеленымъ, то желтымъ, то краснымъ цвѣтами, и въ волшебномъ свѣтѣ этой ночи, сквозь серебристые лучи горящихъ морскихъ звѣздъ, скользятъ, въ тихомъ сіяніи, большая шестифутовая рыба-луна; между тѣмъ съ Цейлонскаго берега, надъ мерцающей

зеркальною гладью , раздаются , какъ звуки Эоловой арфы , меланхолическіе тоны поющей раковины , заглушающіе бушеваніе морскихъ волнъ.» Таково великолѣпіе этой картины, созерцать которую въ частностяхъ дано только не многимъ счастливымъ смертнымъ.

